

Къ исторіи Сибири.

Проф. П. Н. Буцинскаго.

Мангазея и мангазейскій уѣздъ (1601 г.—1645 г.).

Крайній сѣверъ Сибири—Обдорія и Мангазея—быль извѣстенъ русскимъ людямъ гораздо ранѣе, чѣмъ средняя или южная полосы этого края. А между тѣмъ въ историческомъ отношеніи упомянутая мѣстность для многихъ и очень многихъ—terra incognita, невѣдомая земля, покрытая мракомъ глубокой старины. И неудивительно! Обдорію по крайней мѣрѣ напоминаетъ нынѣ существующій городъ Обдорскъ, а Мангазея давнымъ давно сошла съ географическихъ картъ и на послѣднихъ не осталось ничего, что указывало бы на историческое ея существованіе. Та часть Сибири, которая въ 16 и 17 вв. извѣстна была подъ именемъ Мангазеи, нынѣ ничѣмъ не обращаетъ на себя вниманія; по этому глухому, непривѣтливому краю въ настоящее время только бродятъ съ своими оленями и собаками самодовольные самоѣды. А въ старину? Было время, когда въ этомъ краѣ кипѣла жизнь, процвѣтали торговля и промышленность, доставлявшія большія выгоды и московскимъ царямъ и ихъ подданнымъ; о немъ когда-то говорили, какъ говорятъ о странѣ, текущей медомъ и млекою! Вѣдь Мангазея встарину—это золотое дно, своего рода Калифорнія, куда жадно стремились за добычей драгоцѣннаго пушнаго звѣря жители нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній—архангельской, вологодской, пермской и др. Поймать десятка два сѣдыхъ соболей, цѣною рублей по пяти каждый, или штукъ двѣ черныхъ лисицъ рублей по 50—развѣ такая добыча не привлекательна? А попадались соболи по 10 и по 20 рублей каждый и черныя лисицы по 100 и по 300 р. по московской цѣнѣ. Послѣ такой добычи совершенно нищій сразу дѣлался богачемъ! И такіе счастливыцы бывали. Напр. въ 1624 г. одинъ сибирскій воевода писалъ въ Москву, что Иванъ Афанасьевъ въ прошломъ 1623 г. „угонялъ“ двѣ черныя ли-

сицы—одну въ 30 р., а другую въ 80 рублей ¹⁾. Допустимъ, что Афанасьевъ былъ человѣкомъ совершенно бѣднымъ; не имѣлъ никакого пристанища, шатался по тогдашнему выраженію между дворами и питался Христовымъ именемъ. А продавъ черныхъ лисицъ за 110 рублей, чѣмъ онъ сталъ? На вырученныя деньги онъ могъ купить по тогдашней средней цѣнѣ: двадцать десятинъ земли (20 р.), прекрасную хату (10 р.), пять добрыхъ лошадей (10 р.), десять штукъ рогатаго скота (15 р.), два десятка овецъ (2 р.), нѣсколько десятковъ штукъ разной домашней птицы (3 р.)—словомъ полное хозяйство. Если же имѣлъ право, то въ Сибири могъ еще купить нарѣ пять рабовъ (20 р.). Да у него еще оставался бы капиталъ про черный день въ 30 р., а эта сумма порядочная, если возьмемъ во вниманіе, что въ то время деньги были дороже нынѣшнихъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ. Конечно такіе счастливицы, какъ Иванъ Афанасьевъ, были рѣдки, но попытать счастья каждый стремился, кому были извѣстны богатства Мангазеи, да хоть половину имѣть добычи его—и то хорошо. Мы упомянули о добычѣ Афанасьева не даромъ, а чтобъ наглядно показать, что наше сравненіе Мангазеи съ Калифорніей не есть преувеличеніе, а соответствуетъ исторической правдѣ. Только къ половинѣ 17 в. источникъ богатства въ Мангазеѣ истощился и мѣстность эта была скоро совершенно забыта.

Мы намѣрены воскресить жизнь въ забытой странѣ, освѣтить ея историческое прошлое, насколько позволятъ это сдѣлать извѣстные намъ документы. Настоящій нашъ историческій очеркъ Мангазеи касается этой мѣстности съ того времени, когда въ ней былъ построенъ городъ Тазовскій, или Мангазея и до 1645 г., т. е. до начала ея паденія.

Прежде всего остановимся на вопросѣ—откуда произошло названіе *Мангазея*? Во второмъ томѣ Р. И. Библиотеки напечатана рукопись покойнаго князя М. А. Оболенскаго, въ которой поставленный нами вопросъ разрѣшается такимъ образомъ. „Послѣ того, какъ устроился Березовъ, постоянно посылались изъ него далѣе на востокъ разнаго званія люди, какъ для пріобрѣтенія новыхъ земель державѣ русской, такъ и для обогащенія казны новымъ ясакомъ. Прежде многихъ другихъ были отысканы тазовскіе самоѣды. Чтобы сдѣлать для нихъ болѣе пріятнымъ новое подданство, березовскіе служилые люди построили на рѣкѣ Тазѣ магазинъ, куда ежегодно привозился провіантъ изъ То-

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Прибавъ кн. № 1, п. 247.

больска, чрезъ Березовъ. Провіантъ этотъ раздавался дикимъ самоѣдамъ безплатно, но и не даромъ, именно: они должны были давать въ замѣнъ разные мѣха, какъ единственные и исключительные продукты ихъ промысловъ. Познакомившись съ употребленіемъ хлѣба, котораго прежде не знали, самоѣды научили тому и другихъ дикарей, такъ что вскорѣ цѣлыя орды стали приходить къ магазину и приносить мѣха. Когда такимъ образомъ постоянно сосредоточивалось у магазина большее и большее народонаселеніе, оказалось необходимымъ построить городъ, — и онъ былъ построенъ на р. Тазѣ... и получилъ названіе *Мангазеи*, конечно потому же, почему и теперь еще въ простонародіи всѣ возможные магазины крестятся именно этимъ названіемъ. По крайней мѣрѣ мы нисколько не сомнѣваемся, что Мангазея есть перефразированный „магазинъ“ ²⁾).

Такое мнѣніе о происхожденіи названія Мангазеи совершенно ложно. Слово „магазинъ“ не было въ употребленіи на Руси, ни въ 16, ни въ 17 вв.; оно появилось только въ 18 в., а для обозначенія таковыхъ помѣщеній употреблялись названія „амбаръ“ и „житница“. Уже изъ этого видно, что названіе Мангазеи нельзя производить отъ слова „магазинъ“. Въ данномъ случаѣ Миллеръ ближе подходитъ къ истинѣ. Онъ говоритъ: „изъ Березова старались провѣдывать лежація оттуда къ востоку мѣста при рѣкахъ Турѣ, Тазѣ и Енесѣ и понеже при р. Тазѣ нашли нѣкоторый родъ самояди, называемой *Мокасе*, то сіе подало поводъ къ названію тамошней страны по руссійскому произношенію „*Мангазея*“ ³⁾. Но предположеніе Миллера справедливо только въ томъ отношеніи, что дѣйствительно названіе Мангазеи происходитъ именно отъ одного самоѣдскаго рода, только родъ этотъ назывался не *Мокасе*, а *Мангазея*. Онъ встрѣчается въ ясачныхъ книгахъ мангазейскаго уѣзда подъ этимъ именемъ и существовалъ еще въ 17 вѣкѣ. Въ 1629 г. этотъ родъ состоялъ изъ 50 ясачныхъ людей, а въ 1632 г. осталось таковыхъ только 19 человекъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ мы теперь знаемъ настоящее происхожденіе названія Мангазеи. Но вотъ другой болѣе интересный вопросъ — когда

²⁾ Р. И. В. т. II стр. 1127—1128.

³⁾ Опис. Сиб. Царства стр. 299.

⁴⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 19 н. 1; *ibid.* кн. № 58 п. 254. Считаемо важнымъ исправить здѣсь свою ошибку, допущенную нами въ своемъ изслѣд. „Заселеніе Сибири“..., гдѣ въ примѣч. къ 174 стр. Мангазея названа *Мулазея* и Молгазея; насъ ввели въ заблужденіе нѣкоторые документы, неправильно списанные для Миллера. Но когда мы нашли тѣ же самые документы въ подлинномъ видѣ, то вездѣ прочли въ нихъ *Мангазея*.

эта мѣстность стала извѣстна русскимъ? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать прямого отвѣта и для рѣшенія онаго позволимъ себѣ высказать только нѣкоторыя соображенія. Несомнѣнно, что Мангазея, хотя можетъ быть и не подъ своимъ настоящимъ именемъ ³⁾, стала извѣстна по сию сторону Уральскаго хребта прежде всего самоѣдамъ, жившимъ около устьевъ рѣкъ Печоры и Мезени, а чрезъ нихъ и новгородцамъ. Но—когда? Обратимся къ исторической географіи. Сѣверъ російской и сибирской низменностей отъ устьевъ Мезени и до устьевъ Лены искони былъ населенъ самоѣдскими племенами, извѣстными подъ разными народными названіями: самую западную вѣтвь самоѣдовъ представляла Югра или самоѣды, жившіе около устьевъ Мезени, далѣе на востокъ отъ Югры—терская самоядь, печорская самоядь, на границѣ Европы съ Азіей ялмалская самоядь, занимавшая полуостровъ Ялмалъ, затѣмъ обдорская самоядь, мангазейская самоядь, юрадская и наконецъ енесейская самоядь. А мы знаемъ, что новгородцы собирали дань съ самоѣдовъ, жившихъ по сию сторону Уральскаго хребта еще въ глубокой древности. Есть лѣтописное извѣстіе, относящееся къ XI в., о сборѣ дани новгородцами въ области рѣки Печоры, а если предприимчивые новгородцы еще въ концѣ XI в. добрались до рѣки Печоры, то мы должны предположить, что на западъ отъ этой рѣки они бывали гораздо ранѣе. Нашему предположенію нисколько не могутъ противорѣчить сохранившіяся въ лѣтописяхъ извѣстія о сборѣ дани новгородцами съ терскаго берега только въ началѣ XIII в. и съ Югры ⁴⁾ въ

³⁾ Впрочемъ въ извѣстномъ сказаніи „О челоуѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“, древнѣйшій списокъ котораго относится къ XV в., есть упоминаніе о нашей Мангазеѣ. Тамъ читаемъ: „На восточной странѣ за Югорискою землею надъ моремъ живутъ люди Самоѣды, зовомы *Могонзми*; а ядь ихъ мясо оленье, да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ, и гость къ нимъ откуды приидѣтъ и они дѣти свои закалають на гостей, да тѣмъ кормятъ, а который гость у нихъ умретъ, и они того съѣдають, и въ землю не хоронятъ, а своихъ такоже. Сія же люди не велики возрастомъ, плосковицы, носы малы, но рѣзвы вельмы и стрѣльцы скоры и горазды, а ядятъ на оленяхъ и на собакахъ. А платіе носятъ соболіе и оленье, а товаръ ихъ соболи“. Г. Анучинъ справедливо называетъ это сказаніе новгородскимъ.

⁴⁾ Считаю необходимымъ замѣтить, что мы подъ *Югрою*, о которой упоминается въ лѣтописяхъ и въ договорахъ новгородцевъ съ князьями, разумѣемъ самоѣдовъ, жившихъ около устьевъ рѣки Мезени. О мѣстоположеніи этой Югры высказывались довольно различныя мнѣнія, но мы полагаемъ, что она тамъ, гдѣ мѣсто ей указано въ чертежной книгѣ Сибири, составл. Ремезовымъ въ 1701 г.: на первомъ общемъ листѣ этой книги около устьевъ Мезени мы находимъ—„югорская земля“, а на 22 листѣ въ томъ же самомъ мѣстѣ—„югорское царство“. А такъ какъ въ данной мѣстности жили самоѣды, то поэтому подъ

XII в.: вѣдь это значитъ только, что лѣтописцы не записали болѣе раннихъ фактовъ. Эти данныя еще не рѣшаютъ вопросъ о сношеніяхъ новгородцевъ съ мангазейскою самоядью; они касаются только самоѣдовъ, жившихъ по сю сторону Уральскаго хребта. Но въ 1364 г. новгородцы ходили на рѣку Обь и воевали тамошнихъ инородцевъ. Мы не знаемъ, какимъ путемъ въ этомъ году новгородцы достигли упомянутой рѣки. Проф. Замысловскій высказываетъ предположеніе, что этотъ путь лежалъ чрезъ Уральскій хребетъ, но доказательствъ онъ никакихъ не приводитъ; онъ говоритъ только, что такъ можно предполагать „на основаніи позднѣйшихъ данныхъ“, т. е. судя по позднѣйшимъ походамъ войскъ Ивана III въ 1484 и 1499—1500 гг., которые несомнѣнно совершались по рѣкамъ чрезъ Уральскій хребетъ. Но вѣдь позднѣйшія данныя показываютъ намъ и другой путь — морской, которымъ русскіе люди проникали на рѣку Обь и въ Мангазею. Почему же не предположить, что и походъ новгородцевъ въ 1364 г. совершенъ моремъ, именно изъ устья въ Двину въ Бѣлое море, Карское море и чрезъ рѣчки полуострова Ялмала въ Обскую губу? Въ „Историческомъ Описаніи Россійской коммерціи“ Чулкова, читаемъ: „Жители сѣверной страны для полученія мягкой рухляди какъ прежде, такъ и по построеніи города Архангельска, ѣздили на рѣку Обь и до Мангазеи. Кочи свои, приѣхавъ изъ двинскаго устья въ рѣку Кару, оставляли обыкновенно на сей рѣкѣ, а по ней хаживали сухимъ путемъ, до другой рѣки, впадающей въ Обскую губу, при которой построивъ новыя суда, на оныхъ далѣе отправлялись“... 7). Мы думаемъ, что этотъ морской путь въ Мангазею извѣстенъ былъ новгородцамъ и новгородскимъ и суздальскимъ колонистамъ задолго до основанія Архангельска. Въ Никоновской лѣтописи упоминается о неудачномъ походѣ 1032 г. новгородца Улѣба на Желѣзныя Ворота. Последнее названіе, какъ извѣстно, имѣютъ многія мѣстности, но Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи о Югорской землѣ утверждаетъ, что въ данномъ случаѣ подъ Желѣзными Воротами нужно разумѣть проливъ или на Бѣломъ морѣ между островами Соловецкимъ и Муксомъ, или на Ледовитомъ океанѣ между Но-

новгородскою „югрою“ только ихъ и можно разумѣть. Замѣтимъ тоже, что слѣдуетъ различать Югру отъ Юнговъ: послѣдніе жили по западнымъ склонамъ Уральскихъ горъ въ области, которая въ „Черт. книгѣ Сибири“ называется Юнгоріей или Удоріей и которую несомнѣнно населяли остяки. Впослѣдствіи, когда остяки переселились къ своей братіи на Сосву (15 в.), за Уральскій хребетъ, то и мѣстность, занятая ими, въ книгѣ Большой Чертежъ стала называться „Югоріей“.

7) Т. 1 кн. 1 стр. 93 изд. 1781 г.

вою Землю и Вайгачемъ и что походъ новгородца Улѣба совершенъ морскимъ путемъ на рѣку Обь ⁸⁾. Позднѣйшіе изслѣдователи (напр. Барсовъ) не соглашаются съ мнѣніемъ Лерберга, но мы не видимъ къ тому основаній. Развѣ г. Барсовъ имѣетъ болѣе основаній относить Желѣзныя Ворота, о которыхъ упоминается въ лѣтописи подъ 1032 г., къ урочищу Желѣзныя Ворота на правомъ берегу Сысолы (въ 80 в. отъ Усть-Сысольска) ⁹⁾, чѣмъ Лербергъ, видящій въ нихъ какой-нибудь изъ указанныхъ проливовъ? Нисколько! Мы воишь присоединяемся къ послѣднему мнѣнію и постараемся здѣсь показать, что оно гораздо вѣроятнѣе, болѣе соответствуетъ исторической правдѣ. Татищевъ былъ правъ, когда говорилъ, что походъ на Желѣзныя Ворота предпринятъ былъ новгородцами именно противъ Югры и что послѣдняя побѣдила ихъ. Если взять во вниманіе, что этотъ историкъ, какъ извѣстно, относить мѣстоположеніе Югорской земли къ рѣкѣ Югу, то съ перваго взгляда покажется страннымъ его прибавленіе къ лѣтописному извѣстію, что походъ Улеба въ 1032 г. на Желѣзныя Ворота былъ *противъ Югры*; вѣдь на рѣкѣ Югѣ и близко къ ней таковыхъ воротъ не существовало и объ этомъ Татищевъ зналъ. Эту странность мы объясняемъ себѣ такимъ образомъ: Татищевъ имѣлъ подъ руками такой лѣтописный списокъ, гдѣ говорилось, что *новгородцы ходили на Желѣзныя Ворота противъ Юровъ* и онъ вписалъ это мѣсто въ свою исторію, а что у Татищева были такіе списки, которыхъ не дошло до насъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія ¹⁰⁾.

Теперь спрашивается, гдѣ же жила та Югра, къ которой нужно идти чрезъ Желѣзныя Ворота? Мы думаемъ, что это самоѣды, жившіе въ Лукоморѣ и на полуостровѣ Ялмалѣ, и къ нимъ-то новгородцы плавали чрезъ проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ Новой Земли,

⁸⁾ Изслѣдованія... древн. Р. Исторіи стр. 80—81 изд. 1819 г.

⁹⁾ Очерки Р. И. Геогр. стр. 62—63.

¹⁰⁾ О походѣ Улеба на Желѣзныя Ворота такъ передается въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ. Воскрес. „В лѣто 1032 Великий князь Ярославъ поча города ставити и по Руси и тогда же Улѣбъ изыде изъ Новагорода на Желѣзныя врата и оная мало ихъ принде“. Тоже читаемъ и въ Соф.; въ Никон. „Того же лѣта (1032) Улебъ иде на Желѣзныя Врата изъ Новгорода, и всячь мало ихъ возвратишия, но многи тамо погибаша“. Но въ Исторіи Татищева подъ 1032 г. читаемъ слѣдующее. „Ярославъ строилъ города по Руси и за Днѣпромъ. Сего же году родилась Ярославу дщерь. Новгородцы съ Улебомъ ходили на Желѣзныя врата, но бысть несчастье, побѣждены были Новгородцы отъ Юровъ“. Съ перваго же взгляда на это мѣсто у Татищева можно убѣдиться, что онъ буквально передаетъ то, что нашель въ лѣтописи; онъ же упоминаетъ подъ этими годами и о рожденіи дочери Ярослава—чего нѣтъ ни въ Воскр., ни Ник., ни Соф. лѣтописяхъ.

т. е. чрезъ Желѣзные Ворота, какъ тогда назывался и теперь называется этотъ проливъ. Что Лукоморскіе и Ялмалскіе самоѣды назывались новгородцами Югрою въ этомъ нельзя сомнѣваться. „Вся сѣверная часть Уральскаго хребта, пишетъ Лербергъ, еще и теперь извѣстна подъ названіемъ Югорскихъ горъ, южный берегъ Карскаго моря называется Югорскимъ берегомъ, а проливъ между Вайгачемъ и твердою землею—Югорскимъ шаромъ“¹¹⁾. Почему же эти мѣста называются *югорскими*? Происхожденіе этихъ названій мы такимъ образомъ объясняемъ. Новгородцы знали Югру или самоѣдовъ около Мезени, а добравшись морскимъ путемъ до Лукоморья и полуострова Ялмала и здѣсь они встрѣтили тотъ же народъ, который они видѣли у устьевъ р. Мезени и назвали оный тѣмъ же именемъ, т. е. Югрою. Тѣ изслѣдователи, которые подъ новгородскою Югрою разумѣютъ остяковъ, не въ состояніи объяснить происхожденіе названій—*югорскіе горы, югорскій шаръ, югорскій берегъ*. Остяки никогда не жили въ упомянутыхъ мѣстахъ, а тамъ всегда кочевали самоѣды и они преимущественно нуждались въ этихъ тундрахъ для прокормленія зимою своихъ оленей. Послѣ этого намъ становится понятенъ извѣстный разсказъ новгородца Гюряты Роговича: послалъ онъ, передаетъ Гюрята лѣтописцу, отрока своего въ Печору къ людямъ, которые даютъ дань Новгороду... *А оттуда отрокъ пошелъ въ Югру, а Югра говоритъ непонятнымъ языкомъ и сосѣдитъ съ самоядью на полунощныхъ странахъ*¹²⁾. Подъ печорскими данниками слѣдуетъ разумѣть пустозерскую самоядь, которая дѣйствительно жила въ сосѣдствѣ съ Югрою, кочевавшею въ полунощныхъ странахъ—въ Лукоморьѣ и на полуостровѣ Ялмалѣ. Если же въ этомъ разсказѣ Югра упоминается наряду съ Самоядью, то это нисколько не противорѣчитъ нашему мнѣнію: въ источникахъ, касающихся Сибири, намъ не разъ попадались разные названія одного и того же народа; мы также знаемъ, что самоѣдовъ, жившихъ около Мезени, русскіе называли Югрою, а то же племя по терскому берегу называли терскою самоядью. Выраженіе въ разсказѣ Роговича „Югра людье есть языкъ нѣмъ“, т. е. говоритъ на особомъ языкѣ не можетъ также служить возраженіемъ противъ насъ. Отрокъ-новгородецъ однако понималъ, что говорила ему Югра и въ языкѣ мезенской и пустозерской самояди могли быть особенности противъ языка, на которомъ говорила самоядь лукоморская. Итакъ на основаніи приведенныхъ соображеній мы думаемъ, что походъ новгородцевъ въ 1032 г. совершенъ морскимъ

¹¹⁾ Изслѣд. стр. 19—20.

¹²⁾ Лаврен. Лѣт. изд. 1872 г. стр. 226—227.

путемъ изъ устьевъ какой-нибудь рѣки—Двины или Мезени чрезъ Карскія ворота на полуостровъ Ялмалъ. Мы сознаемъ, что наши соображенія относительно упомянутаго морскаго плаванія новгородцевъ мало убѣдительны; мы не можемъ основать свое предположеніе на несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ. Но отсутствіе таковыхъ еще ничего не доказываетъ: скудость историческаго матеріала относительно древнѣйшей русской исторіи всѣмъ извѣстна; въ дошедшихъ до насъ памятникахъ часто мы не находимъ свѣдѣній о такихъ предметахъ, въ существованіи которыхъ мы нисколько не сомнѣваемся. Вѣдь трудно допустить, чтобы предприимчивые новгородцы, плавая по Двинѣ, Мезени и Печорѣ, не добрались до устьевъ этихъ рѣкъ и не выплыли изъ нихъ въ море? Мы знаемъ положительно, что какъ только русскіе проникли на Енисей и Лену, то скоро видимъ ихъ и въ устьяхъ этихъ рѣкъ и затѣмъ плавающихъ въ разныхъ направленіяхъ по Ледовитому океану. Тогдашній русскій человѣкъ не любилъ останавливаться на полпути: едва только онъ познакомился съ устьемъ рѣки Енисея, какъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы проникнуть далѣе въ Ледовитый океанъ; то же самое наблюдаемъ мы, когда видимъ его въ устьяхъ рѣкъ Лены, Колымы и пр. Все это совершается очень скоро, промежутки времени самые ничтожные: въ 1610 г. русскіе промышленники добрались до устья Енисея и въ томъ же году выплыли въ Ледовитый океанъ, а изъ океана вошли въ рѣку Пясиду; въ 1644 г. русскіе добрались до Амура, и въ слѣдующемъ году видимъ ихъ уже въ Охотскомъ морѣ. Наконецъ они проникли на Курильскіе острова и тамъ не остановились, и оттуда переплыли въ Америку.

Какъ же можно думать, что новгородцы, несомнѣнно плававшіе еще въ XI и XII вв. по рѣкѣ Двинѣ, Мезени и Печорѣ, не проникли изъ нихъ далѣе! — Вѣдь изъ устьевъ этихъ рѣкъ гораздо легче проникнуть въ море, чѣмъ напр. изъ рѣки Енисея, устья которой иногда половину лѣта бывали загромождены ледяными горами, такъ что русскимъ промышленникамъ приходилось здѣсь сидѣть очень долгое время, пока полуденный вѣтеръ пронесетъ льды. И всетаки они сидѣли, дожидались очищенія устьевъ Енисея и выплывали въ Ледовитый океанъ. Одинъ торговый человѣкъ, двинянинъ Куркинъ, рассказывалъ тобольскимъ воеводамъ. Въ 1610 г. былъ онъ съ товарищами своими въ Туруханѣ и тамъ они стоворились чрезъ Енисей проникнуть въ Ледовитый океанъ, а оттуда въ рѣку Пясиду на промыселъ. Сказано—сдѣлано! На кочахъ они поплыли внизъ по Енисею и чрезъ четыре недѣли плаванія достигли енисейскаго устья. Но послѣднее оказалось загроможденнымъ ледяными горами, въ толщину саженъ по тридцати

и больше и пробхать въ море было невозможно, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ сѣверный, непопутный. Промышленники еще замѣтили, что „ледъ давній, ни въ которую пору не изводится“. Въ виду такихъ препятствій, казалось бы, слѣдовало оставить попытку пробраться изъ Енесея въ Ледовитый океанъ и возвратиться назадъ; къ тому же въ Пясиду былъ извѣстенъ другой путь и имъ уже пользовались промышленники. Но русскій человекъ былъ настойчивъ и упорно преслѣдовалъ намѣченную цѣль: „авось“ подуетъ южный вѣтеръ и поможетъ выплыть въ море. Разсчитывая на „авось“, промышленники рѣшились дожидаться благоприятнаго случая. Ждутъ недѣлю, другую, третью и, просидѣвши въ устьяхъ Енесея цѣлыхъ пять недѣль, они хотѣли было уже плыть назадъ; „да какъ потянулъ полуденный вѣтеръ“, рассказывалъ Куркинъ, „и тѣмъ вѣтромъ ледъ изъ устья отнесло въ море однимъ днемъ“. Итакъ терпѣніе русскаго человека побѣдило, казалось, непреодолимое препятствіе! Когда устье Енесея очистилось, наши промышленники выплыли въ море, взяли курсъ на востокъ и чрезъ два дня плаванія благополучно добрались до устья рѣки Пясыды ¹³⁾.

Такова была предприимчивость русскаго человека въ XVII в., такова она была и у новгородцевъ; вѣдь разные двиняне, важене, вымичи и прочіе, которыхъ мы видимъ бороздящими Сибирь въ разныхъ направленіяхъ сухимъ и воднымъ путемъ—это кость отъ кости, плоть отъ плоти тѣхъ же знаменитыхъ новгородцевъ. И послѣдніе изъ устьевъ Двины и Мезени выплывали въ Бѣлое и Карское моря, посѣщали полуостровъ Ялмалъ и слѣды этихъ посѣщеній оставили въ названіяхъ—*югорскій берегъ, югорскій шаръ*. Но новгородцы не могли остановиться на полуостровѣ Ялмалѣ; на немъ находилась рѣка Мутная и Зеленая, которыя вели въ Обскую губу, затѣмъ въ Тазовскую и въ Мангазею. Самъ по себѣ полуостровъ Ялмалъ не представлялъ для новгородцевъ особеннаго интереса и ради него они не могли предпринимать такого отдаленнаго плаванія. На этомъ полуостровѣ въ періодъ навигаціи, т. е. лѣтомъ, новгородцы могли встрѣтить только самую незначительную часть самоѣдовъ, такъ какъ послѣдніе имѣли обыкновение, или скорѣе нужду, раннею весною оставлять свои тундры и перекочевывать въ болѣе южныя мѣстности. По крайней мѣрѣ въ XVII в., какъ видно изъ документовъ, ялмалскіе самоѣды цѣлое лѣто жили по рр. Соби и даже Войкару. Здѣсь они кормили своихъ оленей, ловили рыбу, птицъ и „сѣстнаго звѣря“, заготовляли изъ этого „юколу“ и „порсу“—зимній кормъ для собакъ и самихъ себя. А какъ только начнетъ падать снѣгъ

¹³⁾ Р. И. В. т. 11 стр. 1050—1051.

и является нужда въ мохѣ они собирають свои чумы и переселяются въ тундры. Отсюда произошла извѣстная басня о замираніи на зиму людей Лукоморья. „Сказываютъ“, пишетъ Герберштейнъ, „что съ людьми Лукоморья происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: какъ носится слухъ, они каждый годъ умирають, именно 27 ноября, когда у русскихъ празднуется память св. Георгія, и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частію около 24 апрѣля“¹⁴⁾. Эта басня указываетъ на временное появленіе самоѣдовъ въ южныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ могли видѣть другіе народы, и на удаленіе въ тундры. И если Барсовъ поселенія Югры нашей лѣтописи относить къ болѣе южнымъ мѣстамъ къ рр. Вычегдѣ, Сухонѣ и Вагу и въ доказательство, между прочимъ, приводитъ сохранившіяся тамъ югорскія названія—*Уранька*, притокъ Ваги, *Уринская* деревня на Вагѣ, *Югорская* и *Юрина* въ Тотемскомъ уѣздѣ и пр., то эти доказательства нисколько не противорѣчатъ нашему мнѣнію о мѣстоположеніи новгородской Югры: упомянутыя названія указываютъ только на временныя, лѣтнія стоянки самоѣдовъ.

Говоря объ оставленіи самоѣдами на лѣтнее время полуострова Ямала, мы имѣли цѣлю показать, что новгородцамъ тамъ нечего было дѣлать и если они туда совершали морскія плаванія, то главнымъ образомъ потому, что чрезъ него лежалъ путь въ Обскую губу и Тазовскую губу, совершали плаванія ради обдорскихъ и тазовскихъ или мангазейскихъ самоѣдовъ, у которыхъ былъ въ изобиліи драгоцѣнный пушной товаръ. Лербергъ, имѣя въ виду извѣстныя попытки голландцевъ и англичанъ въ 16 и 17 вв.¹⁵⁾ пробраться въ сѣверный океанъ чрезъ Карское море, замѣчаетъ: „Какихъ трудовъ и несчастій избавились бы голландскіе и англійскіе мореплаватели, отыскивая сѣверовосточный путь въ Индію, еслибы могли пользоваться гидрографическими познаніями, которыя въ Великомъ Новгородѣ извѣстны были за нѣсколько сотъ лѣтъ до того“¹⁶⁾. Несомнѣнно! Какъ и несомнѣнно то, что еслибы мы болѣе были внимательны къ морскимъ открытіямъ русскихъ людей, то назвали бы проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки, не Беринговымъ, а Дежневымъ, такъ какъ казакъ Дежневъ „съ товарищи“ проплыли этотъ проливъ ранѣе капитана Беринга на 80 лѣтъ.

¹⁴⁾ Герберштейнъ. „Записки о Московіи“ перев. Анонимова стр. 25 Спб. 1866 г.

¹⁵⁾ Экспедиціи—1580 г. подъ командою Пета и Дотскмана 2 судна, 1594 г. подъ ком. Баренца, Найя и Бранта 3 судна, 1596 г. подъ ком. Рина и Гемскера, 1608 г. подъ ком. Гудзона, 1625 г. подъ ком. Босмана—далѣе Карскаго моря не могли пробраться.

¹⁶⁾ Лербергъ стр. 30.

Мы сказали, что Мангазея давно была известна русскимъ и инородцамъ сѣверной Руси, торговля и промыслы въ тамошнемъ краю давно привлекали туда предприимчивыхъ людей; тамъ были даже городки, основанные промышленниками. Но московское правительство долгое время ничего объ этомъ не знало, или очень мало и только въ самомъ концѣ XVI в. до него начали доходить на этотъ счетъ разныя свѣдѣнія. Есть лѣтописное извѣстіе, что въ 1598 г. царь Ѳеодоръ Ивановичъ на основаніи этихъ свѣдѣній отправилъ въ Мангазею и Енисею Ѳеодора Дьякова съ товарищами для провѣдыванія этихъ странъ и для обложенія тамошнихъ инородцевъ ясакомъ. Дьяковъ возвратился въ Москву въ 1600 г. Онъ же, вѣроятно, первый сообщилъ правительству, что пустозерцы, вымичи и др. торговые люди московскихъ городовъ уже наложили руку на мангазейскую и енисейскую „самоѣдь“ и собирали съ нихъ въ свою пользу дань, а сказывали, что собираютъ ясакъ на государя. Конечно торговые люди провѣдали о посылкѣ Дьякова и знали, чѣмъ она должна кончиться: правительство построитъ городъ въ Мангазеѣ и тогда ихъ вольной торговлѣ въ томъ краю настанетъ конецъ. И вотъ одни, забѣгая впередъ, въ 1599 г. просятъ царя Бориса пожаловать ихъ, разрѣшить имъ ѣздить для торговли и промысловъ въ Мангазею моремъ и рѣкою Обью, на рѣки Пуръ, Тазъ и Енисей и торговать „повольно“ съ самоѣдами, которые живутъ по тѣмъ рѣкамъ, а другіе, какъ увидимъ сейчасъ, стараются номѣнать намѣреніямъ своего правительства. Борися Ѳеодоровичъ пожаловалъ челобитчиковъ, разрѣшилъ имъ вольную торговлю въ тѣхъ мѣстахъ, но съ тѣмъ, чтобы они выплачивали въ государеву казну обыкновенную десятинную пошлину и не торговали заповѣдными товарами¹⁷⁾. Эта грамота дана въ январѣ 1600 г., и въ томъ же году московское правительство рѣшилось снарядить экспедицію въ Мангазею для подчиненія тамошнихъ самоѣдовъ и для основанія въ устьяхъ рѣки Таза острога. Лѣтомъ 1600 г. изъ Тобольска отправились на кочѣ и трехъ коломенкахъ князь Миронъ Шаховской и Данило Хрипуновъ, а съ ними сынъ боярскій, атаманъ и служилыхъ рядовыхъ людей 100 чел. По рѣкѣ Иртышу они спустились въ Обь, а съ Оби прибыли въ г. Березовъ. Здѣсь по указу государя уже было приготовлено новыхъ четыре морскихъ кочи и въ прибавку къ тобольскимъ людямъ 50 чел. березовскихъ казаковъ. Изъ Березова экспедиція двинулась вполнѣ снаряженною: въ Мангазею поплыли пять морскихъ кочей и пять новыхъ судовъ-коломенокъ, а на нихъ, кромѣ начальныхъ людей, находилось 150 чел. войска, а также съѣстные припасы и товары.

¹⁷⁾ А. И. т. 11 № 30.

Эта экспедиція добралась до мѣста назначенія не скоро и не совсѣмъ благополучно. Едва только она выплыла изъ Оби въ Обскую губу, какъ потерпѣла жестокое крушеніе: три кочи были совсѣмъ разбиты, двѣ коломенки, прибитыя къ берегу, затоплены водой, мука и толокно въ нихъ подмочены, а крупа и соль потонули. Далѣе продолжать путь водою оказалось невозможнымъ тѣмъ болѣе, что начались уже заморозки, а до Мангазеи было еще слишкомъ далеко. Участники экспедиціи повернули назадъ и, добравшись до Пантуева городка, рѣшились здѣсь остановиться. Что это за городокъ, сказать трудно; въ книгѣ „Большой Чертежъ“ о немъ не упоминается. Вѣроятно, Пантуевъ,—одинъ изъ тѣхъ городковъ, которые русскіе промышленники и зыряне строили въ Сибири въ мѣстахъ своихъ промысловъ и торговли—это временные пріюты. Положеніе въ немъ экспедиціи было довольно опасное: каждую минуту она могла ожидать нападенія здѣшнихъ самоѣдовъ и обдорскихъ остяковъ. Отсюда князь Миронъ Шаховской и Данило Хрипуновъ писали царю, что они въ 1600 г. дойти до Мангазеи не успѣли, такъ какъ ихъ отпустили изъ Тобольска поздно, а дошли до Пантуева городка и тутъ стали. Затѣмъ они еще сообщили о постигшемъ ихъ крушеніи и о невозможности продолжать путь моремъ: осталось у насъ, пишутъ они, два коча и пять коломенокъ и тѣ кочи малы и некрѣпки, а въ коломенкахъ моремъ не ходятъ; да къ тѣмъ кочамъ въ Тобольскѣ и Березовѣ дано десять якорей и десять малыхъ парусовъ, да съ ними же пошло 180 с. канатовъ и всякихъ веревокъ 250 саж., но тѣхъ парусовъ, канатовъ и веревокъ мало и для морскаго хода надобно въ прибавку 75 саж. канатовъ, 500 с. веревокъ, 1250 аршинъ холста для парусовъ, 400 аршинъ тонкихъ бичевокъ для обшивки парусовъ и еще пять якорей. Писали также, что они послали казаковъ въ Обдоръ къ остякамъ и самоѣдамъ съ просьбой отвезти ихъ въ Мангазею сухимъ путемъ на оленяхъ и если подводы будутъ, то они тою же зимою достигнутъ Мангазеи, а если самоѣды и остяки не явятся съ оленями, то имъ придется дожидать въ Пантуевѣ парусовъ и якорей изъ Тобольска ¹⁸⁾.

Надежда начальниковъ экспедиціи оказалась не напрасно: дѣйствительно къ Пантуеву городку явились самоѣды съ оленями и благодаря послѣднимъ экспедиція двинулась далѣе—въ Мангазею; причемъ войско шло на лыжахъ ¹⁹⁾. Но на пути на экспедицію напали манга-

¹⁸⁾ А. М. Ю. Спб. Пр. кн. № 2 л. 28.

¹⁹⁾ Опис. Сиб. Цар. Миллера стр. 300 см. гр. Бориса отъ 9 Апрѣля 1601 г. къ березов. воеводамъ.

зейскіе самоѣды и разгромили ее. Гдѣ случился этотъ погромъ, мы не знаемъ. Единственное свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ наказѣ В. Мосальскому и Савлуку Пушкину, но къ сожалѣнію начала наказа не сохранилось, а тамъ-то и приводилось донесеніе березовскаго воеводы о погромѣ упомянутой экспедиціи. Въ этомъ наказѣ читаемъ.... „Съ оленями Нилиными при нуждѣ убили 30 человекъ казаковъ, а князь де Миронъ ушелъ раненъ, а съ нимъ 60 человекъ казаковъ, падчи на оленей душею, да тѣломъ, а про Данила не вѣдаютъ раненъ ли, или не раненъ; и посылалъ де съ тѣми вѣстами князя Василія Обдорскаго и онъ на Березовъ не поѣхалъ: ѣду де я, какъ располитца вода. Прежъ де того посылали они провѣдывать про князя Мирона и про Данила въ Мангазею и Енесею дву человекъ казаковъ, и князь Василій де не далъ имъ проводниковъ и имъ видѣтца, что и въ осябахъ шатость за одно съ самоядью, и они на Березовѣ живутъ съ великимъ береженьемъ“ ²⁰⁾.

Изъ того же наказа видно, что мангазейскіе самоѣды напали на экспедицію не сами по себѣ, а по наученію торговыхъ людей и промышленниковъ. „А будетъ пустозерцы, вымачи, зыряне, пермичи или иныхъ какихъ городовъ торговые люди стануть воровать *по прежнему* и мангазейской и енесейской самояди будутъ говорить, чтобъ государеву острогу у нихъ въ Мангазеѣ впредь не быть, чтобъ торговать имъ въ Мангазеѣ и Енесеѣ всякими заповѣдными товарами съ самоядью по прежнему, то князю Василію и Савлуку о тѣхъ замыслахъ воровъ сыскивать, а сыскавъ, отсылать ихъ въ Березовъ“. Этого мало: тобольскіе воеводы даже высказываютъ подозрѣніе—не участвовали ли въ упомянутомъ погромѣ и русскіе торговые люди ²¹⁾.

Послѣ донесенія Шаховскаго и Хрипунова изъ Пантуева городка въ Москвѣ долгое время ничего не знали о судьбѣ посланной въ Мангазею экспедиціи. Наконецъ, весною 1601 г. московское правительство рѣшилось отправить туда же вторую экспедицію подъ начальствомъ упомянутыхъ князя В. Мосальскаго и Савлука Пушкина. На этотъ разъ походъ въ Мангазею обставленъ былъ болѣе надежно. Верхотурскому воеводѣ данъ былъ указъ приготовить „для мангазейскаго хода“

²⁰⁾ Р. И. Биб. т. 11 стр. 824.

²¹⁾ Ibid. стр. 826. Нужно замѣтить, что документъ, напечатанный въ Р. И. Б. т. 11 № 188 подъ именемъ наказа кн. В. Мосальскому и Савлуку Пушкину, на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ отписка въ Москву тобольскихъ воеводъ Ѳедора Шереметьева и Остафія Пушкина, но въ этой отпискѣ сообщается: а) донесеніе въ Тобольскъ березовскихъ воеводъ о погромѣ самоѣдами первой экспедиціи и б) наказъ, данный этими воеводами начальникамъ второй экспедиціи.

15 кочей, а изъ Перми велѣно отправить въ Верхотурье шесть якорей; воеводамъ, отправлявшимся въ Tobольскъ на смѣну прежнихъ,— Ѳедору Ив. Шереметьеву и Остафію М. Пушкину велѣно въ Ярославлѣ и Вологдѣ купить все необходимое для мангазейской экспедиціи, какъ-то: канаты, бичевки, холстъ для парусовъ и пр. Этимъ воеводамъ правительство наказывало прибыть въ Верхотурье еще зимнимъ путемъ, пересмотрѣть тамъ кочи, чтобъ были крѣпки, а какъ вскрыется ледъ, взять ихъ съ собой и отправиться въ Tobольскъ. „А прибывъ въ Tobольскъ имъ напередъ всѣхъ дѣлъ вычестъ указъ о мангазейской посылкѣ и по тому указу на мѣсто князя Мирона и Данила отпустить тотчасъ въ Мангазею князя В. Мосальскаго да Сав. Пушкина и *наказъ имъ дать отъ себя* и служилыхъ людей отпустить съ ними на перемѣну тѣмъ, которые посланы съ кн. Мирономъ и Даниломъ“. Въ наказѣ Мосальскому велѣно написать, чтобъ они шли къ Цантуеву городку и если тамъ застанутъ Мирона и Данилу, то отпустить ихъ въ Москву, а служилыхъ людей, бывшихъ съ ними, распустить по городамъ; если же самоѣды и остяки этою зимою отвезли ихъ въ Мангазею, то всетаки идти имъ туда же на смѣну Мирона и Данилы ²²⁾.

Лѣтомъ 1601 г. въ Мангазею двинулась новая экспедиція: изъ Tobольска отправились по Иртышу 9 кочей, двѣ морскихъ лодки и два дощаника, а на нихъ, кромѣ начальныхъ людей, 200 человекъ литвы, казаковъ и стрѣльцовъ, пицаль скорострѣльная и три пицали затинныхъ съ соответственнымъ количествомъ ядеръ, пороху и свинцу, а также нѣсколько тысячъ пудовъ всякихъ съѣстныхъ запасовъ. По наказу эта экспедиція должна была заѣхать въ Березовъ и взять тамъ— березовскихъ служилыхъ людей 70 чел., сургутскихъ 30 чел., проводниковъ и толмачей, пицаль скорострѣльную, три пицали затинныхъ и 400 къ нимъ ядеръ. „А изъ Березова идти въ Мангазею и Енесею рѣкою Обью и моремъ наспѣхъ—днемъ и ночью, чтобъ придти туда водянымъ путемъ до заморозовъ; останавливаться на крѣпкихъ мѣстахъ бережно и не у берега; идучи въ Мангазею развѣдывать про князя Мирона и Данилу, гдѣ они находятся и отъ кого потерпѣли погромъ“.

Отписки Мосальскаго и Пушкина до насъ не дошли, а потому мы не знаемъ въ какомъ видѣ они нашли первую мангазейскую экспедицію и что осталось отъ нея вслѣдствіе погрома самоѣдскаго. Но изъ грамоты царя Бориса въ Березовъ, данной по поводу челобитья березовскихъ служилыхъ людей, участвовавшихъ въ первой экспедиціи, видно, что послѣдняя зимою 1600—1601 г. добралась до Мангазеи. Поэ-

²²⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 2, см. Память тоб. воеводамъ отъ 1601 г. Февр.

тому догадка Миллера, что строителями Тазовскаго города были Шаховской и Хрипуновъ имѣеть основаніе: вѣдь вторая экспедиція могла прибыть на рѣку Тазъ не ранѣе конца іюля 1601 г., а къ этому времени Шаховской и Хрипуновъ навѣрно должны были исполнить наказъ относительно постройки города въ Мангазеѣ, тѣмъ болѣе, что имъ предписывалось, если они найдутъ удобнымъ, обратитъ въ острогъ какой нибудь городокъ, построенный на рѣкѣ Тазѣ торговыми и промышленными людьми. Но Миллеръ неправъ, относя заложеніе этого острога къ 1600 году: къ его основанію начальники первой экспедиціи могли приступитъ только весною 1601 г. Такимъ образомъ несомнѣнно, что вторая мангазейская экспедиція прибыла уже въ готовый городъ. Онъ стоялъ при рѣкѣ Тазѣ (въ 200 в. отъ устья) между впадающими въ нее рѣчками Осетровкой и Ратилихой. Наказъ предписывалъ новымъ мангазейскимъ воеводамъ, укѣпившись въ Тазовскомъ городѣ, прежде всего „учесть по книгамъ“ Мирона и Данилу и отпустить ихъ въ Москву, а служилыхъ людей, бывшихъ съ ними,—по городамъ, откуда послѣдніе взяты, и если не будетъ надобности, то изъ всего войска, прибывшаго съ ними въ Мангазею, оставить у себя только 100 человекъ. Затѣмъ велѣно имъ пригласитъ въ острогъ лучшихъ изъ самоѣдовъ и сказать имъ жалованное слово: „что прежде сего приходили къ нимъ въ Мангазею и Енесею вымичи, пустозерцы и многихъ государевыхъ городовъ торговые люди, давъ съ нихъ брали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, обиды, насильства и продажи отъ нихъ были имъ великія, а теперь государь и сынъ его царевичъ, жалуя мангазейскую и енесеюскую самоядь, велѣли въ ихъ землѣ поставить острогъ, и отъ торговыхъ людей ихъ беречь, чтобъ они жили въ тишинѣ и покоѣ.... и ясакъ платили въ государеву казну безъ ослушанья и быть имъ подъ высокою государевой рукой неотступно“... Потомъ наказъ предписывалъ послать служилыхъ людей по городамъ и волостямъ, чтобъ они переписали самоѣдовъ, взяли въ острогъ заложниковъ и обложили новыхъ подданныхъ ясакомъ—кому сколько можно платить. Велѣно также собрать въ острогъ и торговыхъ и промышленныхъ людей, разспроситъ о тѣхъ путяхъ, которыми они ходятъ въ Мангазею и Енесею, сколько бываетъ ихъ тамъ въ годъ и какими товарами торгуютъ съ самоѣдами—все записать и отписку прислать въ Москву; объявитъ имъ, чтобъ они не смѣли торговать заповѣдными товарами—панцырями, шеломами, копыями, саблями, топорами, ножами или инымъ какимъ желѣзомъ и виномъ, а другими предметами они могутъ торговать вольно, платя десятинную пошлину въ государеву казну съ торговли, промысловъ и всякихъ запасовъ.

Воеводы Мосальскій и Пушкинъ пробыли въ Мангазеѣ два года; что они въ это время сдѣлали въ новой вотчинѣ государевой, мы не знаемъ, такъ какъ отписокъ ихъ до насъ не дошло. Въ январѣ 1603 г. уже новыя лица — Оедоръ Булгаковъ и Никифоръ Елчаниновъ—получили наказъ ѣхать на службу въ Мангазею и смѣнить прежнихъ воеводъ. При Булгаковѣ и Елчаниновѣ въ Тазовскомъ городѣ построены гостинный дворъ и церковь во имя св. Троицы; съ ними прибылъ поповъ Яковъ съ женой и дѣтьми ²³⁾. По „росписному списку 1625 г.“ городъ Мангазея снаружи имѣлъ слѣдующій видъ. Съ пріѣзду—въ стѣнѣ башня Спасская, проѣзжая четырехугольная, а подъ ней двое воротъ — внѣшнія и внутреннія, башня Успенская угловая отъ рѣчки Осетровки, башня Ратилловская угловая, башни Давыдовская отъ рѣчки Таза угловая четырехугольная и башня Зубцовская тоже отъ рѣчки Таза. Всѣхъ башенъ было пять, высота ихъ разная—отъ трехъ до четырехъ сажень, а между ними городскія стѣны въ вышину по 1½ саж. Вокругъ всего города — 131 саж. ²⁴⁾. Внутри города находились двѣ церкви—Троицкая и Успенская, —воеводскій дворъ, съѣзжая изба, таможенная изба, гостинный дворъ, торговая баня, амбары и лавки, тюрьма, а въ стѣнахъ ютились хаты мангазейскаго населенія. Для защиты города на башняхъ стояло 9 затинныхъ желѣзныхъ пицалей. Населеніе города въ этомъ году: поповъ, дьяконъ, дьячекъ, пономарь, два подъячихъ съѣзжей избы, подъячій таможенный, голова таможенный, нѣсколько челоувѣкъ торговыхъ людей, палачъ, сторожа, пять челоувѣкъ толмачей и служилыхъ людей 53 челоувѣка ²⁵⁾. Это постоянное населеніе Мангазеи, а кромѣ того въ Тазовскій городъ присылались изъ Березова годовальщики 50 челоувѣкъ казаковъ или стрѣльцовъ. Но послѣдніе почти не жили въ городѣ, а бродили по зимовьямъ мангазейскаго уѣзда за сбѣромъ ясака и перемѣнялись то ежегодно, то чрезъ два года. Съ распространеніемъ мангазейскаго уѣзда явилась нужда увеличить число служилыхъ людей въ Мангазеѣ. Такъ, въ 1626 г. прибраны въ Тобольскѣ 50 челоувѣкъ казаковъ и стрѣльцовъ и отправлены на житье въ этотъ городъ; прибавленъ одинъ подъячій въ съѣзжую избу и одинъ подъячій въ таможню; видимъ также увеличеніе толмачей до 15 челоувѣкъ. Хотя въ Мангазеѣ было двѣ церкви, но поповъ всегда былъ одинъ и только въ 1635 г. мы встрѣчаемъ двухъ поповъ и оба они назывались троицкими ²⁶⁾. Но торговыхъ и промышленныхъ людей, временно

²³⁾ Р. И. Б. т. II стр. 833—845.

²⁴⁾ Ibid. № 135.

²⁵⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 14 л. 402; ст. № 24 л. 34.

²⁶⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 78 л. 93, л. 1006.

проживающихъ въ Мангазеѣ, было очень много — отъ 600 и до 1000 человекъ ежегодно. Эти гости раздѣлялись на лѣтнихъ и зимнихъ и за прожительство въ городѣ платили по 60 к. съ человека, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Они, собственно, не жили въ городѣ, а имѣли только временный пріютъ и держали здѣсь склады товаровъ и промышленной добычи, сами же почти круглый годъ бродили по мангазейскому уѣзду ради торговъ и промысловъ.

Уѣздъ мангазейскій имѣлъ границы со стороны уѣздовъ—березовскаго, сургутскаго, нарымскаго, кетскаго, съ 1619 г. со стороны уѣзда енисейскаго, а на востокъ территория его простиралась до водораздѣла бассейновъ Енисея и Лены и до устьевъ послѣдней рѣки. Распространеніе московской власти въ этомъ уѣздѣ шло очень быстро. Поставивши острогъ на среднемъ теченіи рѣки Таза, мангазейскіе воеводы прежде всего обложили ясакомъ самоѣдовъ по рр. Пуру и Тазу и затѣмъ начали посылать служилыхъ людей „для отысканія новыхъ земель“ и приведенія ихъ „подъ высокую руку государя“; притомъ одни партіи казаковъ посылались въ тундры, а другія чрезъ рѣчку Туруханъ (иначе Турухтанъ) на Енисей и его притоки; отыскивать новыя земли служилымъ мангазейскимъ людямъ было легко, потому что рѣка Енисей была извѣстна русскимъ промышленникамъ еще до основанія Мангазеи. Да и послѣ основанія этого Тазовскаго острога служилые люди подвигались въ глубь Сибири, главнымъ образомъ, по слѣдамъ торговыхъ и промышленныхъ людей и послѣдніе всегда были далеко впереди. Вотъ почему уже въ первое десятилѣтіе существованія Мангазеи обложены были ясакомъ „тундряная самоѣд“, туруханская и енисейская самоѣд, остяки, жившіе по среднему теченію Енисея и его притокамъ, Елогую, Сыму и Касу, и тунгусы по нижнему теченію рѣки Нижней Тунгуски и нижнимъ притокамъ послѣдней. А къ концу первой четверти XVII в. мангазейскіе служилые люди уже собирали ясакъ съ инородцевъ въ верхнихъ мѣстахъ р. Нижней Тунгуски, по всей средней или подкаменной Тунгускѣ, перебрались чрезъ хребетъ, составляющій водораздѣлъ рѣкъ Енисея и Лены, и обложили ясакомъ инородцевъ по рр. Вилюю и Чапъ. Какъ отдаленны были эти мѣста отъ города Мангазеи, можно судить потому, что ясачные сборщики, отправляясь весною въ верхнія части Тунгусокъ, возвращались обратно только чрезъ годъ. Съ другой стороны мангазейскіе служилые люди, подвигаясь по тундрамъ все далѣе и далѣе на востокъ, къ концу первой четверти XVII в. добрались до устьевъ р. Хотанги и обложили ясакомъ всѣхъ хотангскихъ самоѣдовъ, а въ 1644 г. они появились и на р. Анабарѣ. Но въ устьяхъ рѣки Лены мангазейцы были еще около

1630 г., только дошли они туда другимъ путемъ, именно изъ рѣки Вилюя, западнаго притока Лены. Въ 1633 г. бывшій мангазейскій воевода, Андрей Палицынъ, подалъ въ Казанскій приказъ роспись и чертежъ „великой рѣки Лены и разныхъ земель людямъ, которые живутъ по той рѣкѣ Ленѣ и по инымъ рѣкамъ“. Въ этомъ документѣ уже довольно подробно описанъ путь изъ Мангазеи на р. Лену до самыхъ ея устьевъ. „Идти на ту великую рѣку Лену изъ Мангазеи судами Тазомъ и Волчанскою вверхъ, озерами и рѣжмами на кочахъ и каюкахъ до енесейскаго волока десять дней, а волока немного больше полуверсты, затѣмъ окраинами и рѣжмами до р. Турухана ходу два дня, а Туруханомъ и Шаромъ внизъ до Туруханскаго зимовья ходу десять дней и чрезъ Енесей до устьевъ Нижней Тунгуски ходу два дня; Тунгускою рѣкою идти вверхъ до устьевъ рѣчки Тетей, а оттуда волокомъ на рѣку Чону ходу два дни. Въ томъ мѣстѣ зимовать и весною идти рѣкою Чоною на Вилюю десять дней, а Вилюемъ до рѣки Лены ходу три недѣли.... А по великой рѣкѣ Ленѣ внизъ идти греблею до полунощнаго океана два мѣсяца и болѣе, а парусною погодою можно добѣжать и въ одну недѣлю“. Эта роспись, какъ мы упомянули, подана въ 1633 году, а потому мы можемъ заключить, что мангазейскіе служилые люди добрались впервые до устьевъ Лены на нѣсколько лѣтъ ранѣе этого года. Изъ того же документа мы видимъ, что мангазейцы въ это время уже были знакомы и съ восточными притоками рѣки Лены и даже Байкальскимъ озеромъ ²⁷⁾. Но на Ленѣ мангазейскимъ служилымъ людямъ не удалось утвердиться: тамъ они встрѣтились съ служилыми людьми енесейскаго острога и должны были уступить послѣднимъ. Впрочемъ изъ Мангазеи нѣкоторое время собирали ясакъ съ ленскихъ инородцевъ, но такъ какъ путь на Лену изъ Енесейска былъ ближе, то московское правительство приписало послѣднихъ къ енесейскому уѣзду.

Что же касается количества ясачнаго инородческаго населенія въ мангазейскомъ уѣздѣ, то объ этомъ мы ничего не можемъ сказать опредѣленнаго. Воеводы отписывали въ Москву, что „въ мангазейскомъ уѣздѣ люди кочевные и не сидячіе, а живутъ, переходя съ мѣста на мѣсто и съ рѣки на рѣку“. Поэтому мангазейскимъ ясачнымъ сборщикамъ невозможно было доставить воеводамъ опредѣленныхъ свѣдѣній о количествѣ ясачныхъ людей въ уѣздѣ. Да и самый способъ собиранія ясака здѣсь былъ нѣсколько иной, чѣмъ съ инородцевъ другихъ сибирскихъ уѣздовъ. Не имѣя постоянной осѣлости, мангазейскіе ино-

²⁷⁾ Р. И. Б. т. 11 № 213.

родцы не дѣлились на волости, какъ это мы видимъ въ другихъ уѣздахъ, а жили родами, и каждый родъ платилъ ясакъ за себя или вѣрнѣе за своихъ заложниковъ (аманатовъ) и притомъ не „по окладу“, а сколько заблагоразсудится, или смотря по государеву жалованью: „а безъ государева жалованья—безъ олова и одекуя ясаку не даютъ“, отписываютъ мангазейскіе воеводы. Самое покореніе инородцевъ состояло въ томъ, что служилые люди захватывали у нихъ аманатовъ, держали послѣднихъ въ Мангазеѣ или Туруханскомъ зимовьѣ и за нихъ получали ясакъ. И чѣмъ знатнѣе былъ аманатъ, тѣмъ болѣе родъ, къ которому онъ принадлежалъ, платилъ соболей; мѣстомъ для сбора ясака служили зимовья, разбросанныя по всему мангазейскому уѣзду. Эти зимовья были признаками московской власти въ томъ краѣ и служили временнымъ пріютомъ для ясачныхъ сборщиковъ и торговыхъ и промышленныхъ людей. Въ извѣстное время года къ этимъ зимовьямъ приходили инородцы и за своихъ заложниковъ приносили ясакъ. вмѣстѣ съ тѣмъ эти зимовья были административными единицами, на которыя раздѣлялся мангазейскій уѣздъ съ инородческимъ населеніемъ, подобно волостямъ въ другихъ сибирскихъ уѣздахъ. И ясачныя книги мангазейскаго уѣзда составлялись на основаніи сборовъ ясака по зимовьямъ и по зимовьямъ же въ этихъ ясачныхъ книгахъ распредѣлялось и инородческое населеніе этого уѣзда. Древнѣйшая мангазейская ясачная книга, дошедшая до насъ, относится къ 1629 г. и по ней мы можемъ судить о числѣ инородцевъ, платившихъ ясакъ въ этомъ году, и о количествѣ ясака ²⁸⁾.

Зимовья, въ которыхъ платили ясакъ самоѣды:

1) Хонтайское или Хонтангское зимовье при р. Хотангѣ:

a)	родъ Кислой Шанки	11	человѣкъ	заплатили	21	соболю.
b)	„ Выруй	12	„	„	24	„
c)	„ Тырсидинъ Тигоровъ	33	„	„	72	„
d)	„ Тырендинъ Хыровъ	6	„	„	12	„
e)	„ Савита	17	„	„	36	„
f)	„ Сыруевъ	20	„	„	48	„
g)	„ Парасіевъ	16	„	„	16	„
h)	„ Быкутинъ	7	„	„	14	„
i)	„ Селякинъ	4	„	„	9	„
k)	„ Мундукуй	1	„	„	2	„

2) Есейское зимовье при озерѣ Есей:

a)	родъ Тыдирсинъ	7	человѣкъ	заплатили	14	соболю.
----	--------------------------	---	----------	-----------	----	---------

²⁸⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 19.

b)	родъ Сакѣевъ	10	человѣкъ	заплатили	20	собол.
c)	„ Хорувъ	2	„	„	4	„
3) Пясидское зимовье:						
a)	родъ Пясидской	2	человѣка	заплатили	4	собол.
b)	„ Савитской	3	„	„	6	„
c)	„ Тереевъ	1	„	„	2	„
d)	„ Тоуѣвъ	1	„	„	2	„
4) Леденкинъ шаръ, а въ немъ платитъ тундрная и кровавая самоедь:						
a)	родъ Нантынгинъ	13	человѣвъ	заплатили	26	собол.
b)	„ Тарусидинъ	2	„	„	4	„
c)	„ Пыдуевъ	1	„	„	2	„
5) Верхотазское при р. Тазѣ:						
a)	родъ Селирта	62	человѣкъ.	заплатили	187	собол.
b)	„ Ючейской	55	„	„	157	„
c)	„ Асидукой	26	„	„	74	„
d)	„ Асидукой-Алиевъ	43	„	„	127	„
6) Худасѣйское зим. при р. Худасѣѣ, вост. притокъ Таза:						
a)	„ Мангазея	50	человѣкъ	заплатили	155	собол.
b)	„ Селиртъ	2	„	„	6	„
c)	родъ Харасидинъ	15	„	„	45	„
Тазовская самоедь (вѣроятно подгородная):						
a)	родъ Селирта	9	человѣкъ	заплатили	27	собол.
b)	„ Муйдукинъ	3	„	„	9	„
7) Туруханское зимовье при р. Туруханѣ:						
a)	родъ Вайнгутинъ	28	человѣкъ	заплатили	65	собол.
b)	„ Пьяковъ	4	„	„	11	„
c)	„ Красной	2	„	„	6	„
d)	„ Харасидинъ	18	„	„	56	„
e)	„ Бай	25	„	„	67	„
f)	„ Хуревъ	5	„	„	13	„

Всего самоедвѣ, платившихъ ясакъ въ 1629 г., было 520 человекъ, а соболей они принесли въ государеву казну 1333.

Зимовья, въ которыхъ платили ясакъ остяки енесеискіе:

- 1) **Имбацкое** при Енесеѣ и рѣчкѣ Имбакѣ:

a)	родъ Имбацкой	83	человѣкъ.	заплатили	417	собол.
b)	„ Богденской	20	„	„	113	„
c)	„ Зешайцкой	44	„	„	186	„
- 2) **Занаменное** при Енесеѣ:

a)	родъ Бискіевъ	16	человѣкъ	заплатили	85	собол.
b)	„ Илипчѣевъ	82	„	„	373	„

с) родъ Товарь 4 человекъ заплатили 18 собол.

d) Загребетные остяки . . 2 " " 10 "

Итого енисейскихъ остяковъ, платившихъ ясакъ въ 1629 г., было 251 человекъ, а ясаку принесли 1200 соболей.

Самоѣды и остяки при уплатѣ ясака говорили свои имена ясачнымъ сборщикамъ, и послѣдніе записывали ихъ въ книги. Но тунгусы мангазейскаго уѣзда почему-то считали нужнымъ скрывать свои имена и число людей въ родѣ, а потому они относились ясачными сборщиками къ тѣмъ ясачнымъ людямъ, которые платятъ ясакъ „безъ имени“.

Зимовья, въ которыхъ платили ясакъ тунгусы:

1) *Усть-Ненское* зимовье. Оно находилось на Нижней Тунгускѣ при впаденіи въ послѣднюю рѣчки Нены и было самымъ крайнимъ, дальнимъ по этой Тунгускѣ: изъ Туруханскаго зимовья доходили до него только въ 13 недѣль. Въ 1629 г. въ это зимовье принесли ясакъ: Шиягъ Довгуша съ своего рода 193 соболя и Шиягъ Инкивда—495 соболей, „а съ кого именемъ того не сказали“.

2) *Пайраково* зимовье при впаденіи въ Н. Тунгуску рѣчки Тетей. Здѣсь уплатили ясакъ два тунгусскихъ рода: одинъ—94 соб., а другой 11 соболей.

3) *Усть-Тетерское* зимовье на Средней или Подкаменной Тунгускѣ при впаденіи въ послѣднюю рѣчки Теи. Здѣсь уплатили ясакъ въ 1629 г. три тунгусскихъ рода: Кундугорейнъ Баровъ съ своего рода—186 соболей.

Чапгирды съ своего рода—300 соболей, Чипканъ съ своего рода—200 соболей.

4) *Усть-Чуюнское* на Средней Тунгускѣ при рѣчкѣ Чуюнкѣ. Здѣсь уплатили ясакъ два рода: Муган—200 соб., Чамдянской—10 соб.

Итого тунгусы уплатили 1690 соболей; а всего ясака въ Мангазейскомъ уѣздѣ собрано почти 4500 соболей.

Въ упомянутой ясачной книгѣ не означена цѣна этой мягкой рухляди, но изъ приходной книги Казанскаго Дворца 1629 г. видно, что изъ Мангазеи въ этомъ году прислано всей рухляди (десятиной и ясачной) по московской оцѣнкѣ на 15,762 рубля и если изъ этой суммы исключить десятинный сборъ, то въ остаткѣ будетъ цѣна ясачнаго сбора рухляди—именно около 5000 рублей ²⁹⁾.

Изъ количества ясака, собраннаго въ 1629 г., видно, что инородцы мангазейскаго уѣзда платили соболей гораздо менѣе, чѣмъ ясачные люди другихъ сибирскихъ уѣздовъ: вездѣ полагалось *minimum*

²⁹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 20.

5 соболей съ человѣка, а иные платили ясаку по 10 и по 12 соб., между тѣмъ какъ съ инородцевъ мангазейскаго уѣзда на человѣка приходилось въ среднемъ не болѣе трехъ соболей, и только енесейскіе остяки уплатили въ 1629 году почти по пяти соболей съ человѣка. Притомъ мангазейскіе инородцы, хотя и платили ясакъ за аманатовъ, но въ то же время получали государево жалованье—олово и одекуй, и если этого жалованья, отписываютъ мангазейскіе воеводы, „дать имъ слишкомъ, тогда и ясаку они принесутъ больше, а безъ жалованья платятъ мало, а иные и совсѣмъ ничего не даютъ“. Да и самый платежъ ясака, по словамъ воеводъ, у мангазейскихъ инородцевъ иной, чѣмъ въ другихъ сибирскихъ городахъ. „Мангазейскіе ясачные люди платятъ ясакъ не окладомъ и положить на нихъ окладъ нельзя для того, что люди кочевные, юрть и волостей у нихъ нѣтъ; одинъ годъ они на одномъ мѣстѣ живутъ, а въ другой—на другомъ, уходятъ въ дальнія мѣста безвѣстно“. Приходятъ въ зимовья для платежа ясака за аманатовъ человѣка по 2 и по 3 изъ рода и если аманатъ добрый, то за него платятъ вся его родня и даютъ соболей больше, а если аманатъ худой, то мало, или совсѣмъ ничего. Когда же приходятъ къ зимовьямъ, то бросаютъ ясакъ чрезъ окно въ избу и чрезъ окно же ясачные сборщики отдариваютъ инородцевъ одекуемъ, оловомъ и хлѣбомъ. „Мангазейскіе инородцы, ишутъ воеводы, боятся входить въ избы, чтобъ ихъ ясачные сборщики не захватили въ аманаты, а сами сборщики не выходятъ къ нимъ изъ избъ, опасаясь отъ нихъ смертныхъ убійствъ и потому сидятъ съ аманатами, запершись“³⁰⁾.

Аманаты жили въ Мангазеѣ въ тюрьмѣ, а когда ясачные сборщики отпраплялись за сборомъ ясака, то брали съ собой аманатовъ и держали ихъ въ зимовьяхъ до тѣхъ поръ, пока за нихъ не получали ясака, а затѣмъ снова привозили въ Мангазею. Этыхъ аманатовъ кормили отчасти хлѣбомъ, а большею частію падалью и собачьимъ кормомъ „юколою“. Юкола состояла изъ сушеной перегнившей рыбы. Сибирскіе инородцы—самоѣды, остяки и тунгусы на зиму заготавливали для себя и для собакъ пищу то изъ рыбы, то изъ мяса звѣрей; первая пища называлась юолой и ею преимущественно кормили нартяныхъ и промысловыхъ собакъ, а вторая „порсою“, которая преимущественно назначалась для людей. Та и другая пища хранилась въ ямахъ въ буракахъ, сдѣланныхъ изъ древесной коры и, конечно, перегнивала; юкола представляла даже густую жидкость. Хотя эта пища и нероскошная, но тѣмъ не менѣе цѣнилась иногда довольно дорого: пудъ порсы зимою

³⁰⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 58 лл. 375, 420; *ibid.* кн. № 204 л. 150.

стоилъ рубль, а пудъ юколы около 70 коп. Русскіе промышленные люди также заготавливали для своихъ собакъ юколу и за провозъ ея также платили натурою десятинную пошлину въ государеву казну, какъ и со всякаго товара. И вотъ этою-то сборною юколою въ Мангазеѣ кормили аманатовъ. Правда имъ давали и хлѣбъ, но въ ничтожномъ количествѣ, напр. въ 1635 г. „на мангазейскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ, аманатовъ и пріѣзжую самоидъ“ израсходовано хлѣба только 11 четвертей. Но въ зимовьяхъ во время ясачнаго сбора аманатовъ кормили преимущественно хлѣбомъ: въ упомянутомъ году для прокормленія однихъ тунгусскихъ аманатовъ въ зимовьяхъ отпущено изъ Мангазеи 70 четвертей. Но не всегда аманаты обезпечивали ясачный сборъ съ ихъ родовъ; объ этомъ можно судить по ясачнымъ книгамъ разныхъ годовъ. Такъ въ 1629 г., какъ мы видѣли, самоѣдовъ платило ясакъ 520 человекъ, а въ 1634 г.—только 191 ч., а ясаку принесли только 510 соболей, остяковъ въ 1629 г. платило 251 человекъ, а въ 1634 г. только 173 ч., принесшихъ 830 соболей. Притомъ нѣкоторые роды, платившіе ясакъ въ 1629 г., совсѣмъ не упоминаются въ ясачной книгѣ 1634 г., другіе въ уменьшенномъ числѣ, напр. родъ Мангазеи въ 1629 г. состоялъ изъ 50 человекъ, а въ 1634 г. только изъ 19 чел. Въ Хонтангскомъ зимовьѣ въ первомъ году платило ясакъ 136 человекъ, а во второмъ только 66 ³¹⁾.

Это уменьшеніе ясачныхъ людей иногда зависѣло отъ чрезвычайной смертности, а большею частію отъ нежеланія инородцевъ уплачивать ясакъ. Такъ относительно Хонтангскаго зимовья ясачные сборщики говорили мангазейскому воеводѣ, что въ 1634 г. „многіе ясачные люди этого зимовья померли, а иные не платятъ государевъ ясакъ, боясь голодной смерти, отошли отъ зимовья невѣдомо куда и къ нимъ въ зимовья не приходили и ясаку взять было не на комъ ³²⁾).

Мы выше упомянули, что мангазейскіе ясачные сборщики еще около 1630 г. проникли на рѣку Лену, но свѣдѣній о количествѣ ясачнаго сбора съ этой рѣки въ мангазейскихъ ясачныхъ книгахъ не находимъ. Воеводы отписывали, что они на рѣку Лену для сбора ясака начали посылать съ 1632 г., но служилые люди „сбираютъ ясакъ не помногу, а иною мноюю мягкою рухлядью, собираючи на рѣкѣхъ Ленѣ сами корыстуются“. Въ ясачной книгѣ мангазейскаго уѣзда за 1632 г. совсѣмъ нѣтъ ясачнаго сбора не только съ рѣки Лены, но даже и съ рѣки Вилюя, а въ книгѣ за 1634 г. сказано, что ясачные сборщики еще не прихо-

³¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 58 л. 368.

³²⁾ Ibid. и 375.

дили съ ясакомъ. А изъ одной отписки енесейскаго воеводы видно, что въ 1634 г. служилые мангазейскіе люди были на рѣкахъ—Ленѣ, Алданѣ и Амгѣ и собрали тамъ большой ясакъ, но атаманъ Иванъ Галкинъ съ енесейскими ясачными сборщиками напалъ на нихъ при устьѣ Вилюя, вступилъ въ бой, нѣсколько человѣкъ убилъ до смерти и весь ясакъ отнялъ ³³⁾. По поводу борьбы на рѣкѣ Ленѣ между мангазейскими и енесейскими служилыми людьми возникло дѣло, которое повело къ припискѣ инородцевъ Лены къ уѣзду енесейскому. Но по р. Вилюю мангазейскіе сборщики собирали ясакъ еще въ 1638 г., послѣ же этого года и рѣка Вилюй была приписана къ Енесейску; нѣсколько ранѣе—около 1632 г. къ енесейскому же уѣзду отошла часть остяковъ, жившихъ по рр. Сыму и Касу и платившихъ прежде ясакъ въ Закаменное зимовье. Такъ что мангазейскій уѣздъ къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича простирался по Енесею на югъ до р. Сыма, на востокъ границей служилъ хребетъ, составляющій водораздѣлъ бассейновъ рр. Енесея и Лены, а на сѣверѣ р. Анабара. Съ ограниченіемъ территоріи мангазейскаго уѣзда, конечно, уменьшилось и число ясачныхъ людей, но сборъ ясака значительно увеличился. Последнее зависѣло оттого, что инородцы этого уѣзда стали менѣе дичиться русскихъ, и ясачнымъ сборщикамъ стало легче собирать съ нихъ ясакъ. Чтобы судить о количествѣ ясачнаго сбора, а по немъ и о числѣ ясачныхъ людей въ мангазейскомъ уѣздѣ, мы приведемъ здѣсь свѣдѣнія изъ ясачныхъ книгъ за нѣсколько лѣтъ.

	1636 г.	1638 г.	1642 г.	1646 г.
Въ Хонтагскомъ зимовьѣ взято на.	150 р.	238 р.	163 р.	—
„ Пясидакомъ и Хетскомъ.	134 „	—	—	—
„ Леденкиномъ шарѣ	5 „	69 „	8 „	—
„ Есейскомъ	354 „	—	—	—
„ Верхотазскомъ и Худасейскомъ.	148 „	237 „	244 „	—
„ Туруханскомъ	312 „	398 „	302 „	—
„ Имбацкомъ	333 „	582 „	386 „	—
„ Закаменномъ	404 „	524 „	599 „	—
„ Усть-Непскомъ	762 „	928 „	695 „	—
„ Усть-Зобниномъ (Пайроково).	664 „	1088 „	766 „	—
„ Усть-Тетейскомъ	1304 „	1824 „	1517 „	—
„ Илимпейскомъ (р. Илимпея) .	620 „	1210 „	342 „	—
„ Лѣтнемъ	273 „	—	338 „	—
„ Усть-Тетерскомъ (Тея р.). .	215 „	—	223 „	—

³³⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 40 лл. 403—411.

	1636 г.	1638 г.	1642 г.	1646 г.
Въ Усть-Чуяномъ	102 р.	263 р.	203 р.	—
Съ хребетной р. Вилюя	198 „	42 „	—	—
Итого включая и помянки	7143 „ ³⁴⁾	9376 „ ³⁵⁾	6458 „ ³⁶⁾	7234 р. ³⁷⁾

Здѣсь указана цѣна мягкой рухляди мангазейская, по московская оцѣнка была гораздо выше—рублей по 200 на каждую тысячу.

Въ ясачныхъ книгахъ за 1636, 1638, 1642 гг. не упоминается о числѣ инородцевъ, платившихъ ясакъ въ эти годы, но, судя по выше-приведеннымъ итогамъ ясака въ рубляхъ, можно предполагать, что ясачныхъ людей тогда было отъ 1500—3000 человекъ. Въ ясачной же книгѣ 1643 г. мы находимъ свѣдѣнія и о числѣ ясачныхъ людей, платившихъ ясакъ въ каждомъ зимовьѣ; мы здѣсь приведемъ только итогъ—всѣхъ самоѣдовъ, остиковъ и тунгусовъ платило ясакъ въ этомъ году 1234 человекъ, а цѣна ихъ ясака опредѣлена въ Мангазеѣ въ 4,100 рублей³⁸⁾.

Цифры ясачнаго сбора показываютъ намъ, что инородцы мангазейскаго уѣзда доставляли въ государеву казну значительный доходъ; такихъ сборовъ мягкой рухляди не было ни въ одномъ сибирскомъ городѣ. Но въ Мангазеѣ были и другіе разнообразныя доходы, которые можно раздѣлять на три разряда—городовые, чрезвычайные и десятичные; мы дѣлаемъ такое раздѣленіе на томъ основаніи, что для записи оныхъ существовали особыя книги. Доходы перваго разряда—денежные; они хотя и незначительныя, но тѣмъ не менѣе съ излишкомъ покрывали мѣстные денежныя расходы. Чтобы имѣть понятіе о статьяхъ денежныхъ доходовъ, собираемыхъ въ Мангазеѣ и Туруханскомъ зимовьѣ, мы приведемъ здѣсь данныя, изъ приходныхъ книгъ³⁹⁾.

1626 г. 1627 г.

1) Съ двухъ бань—мангазейской и туруханской откупныхъ денегъ	30 р.	31 р.
2) Зерноваго, карточнаго и всякой закладной игры	64 „	68 „
3) Кваснаго и сусличнаго	19 „	21 „
4) Съ площаднаго нисъма	5 „	11 „
5) Судныхъ пошлинъ	91 „	192 „

³⁴⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 52 л. 93.

³⁵⁾ Ibid. ст. № 73 л. 43.

³⁶⁾ Ibid. ст. № 111 л. 124.

³⁷⁾ Ibid. книга № 204 л. 143.

³⁸⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 144 п. 901.

³⁹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 4.

	1626 г.	1627 г.
6) Съ зерновыхъ судныхъ дѣль	28 р.	43 р.
7) Таможенныхъ всякихъ пошлинъ	490 „	646 „
8) Явчей пошлины съ меду, пива и браги	6 „	15 „
9) Съ рыбныхъ ловель откупныхъ денегъ	27 „	53 „
10) Заповѣдныхъ денегъ (за недозволенную торговлю) доправлено	11 „	—
11) За пользованіе государевыми судами	20 „	21 „
12) Продано мягкой рухляди	22 „	13 „

Здѣсь мы приводили круглыя цифры въ рубляхъ, отбрасывая копѣйки, если послѣднихъ было менѣе 60; всѣхъ же денежныхъ сборовъ въ 1626 г. было 787 рублей, а въ 1627 г.—1114 р. Между тѣмъ денежные расходы были значительно менѣе доходовъ, и въ мангазейской государственной казнѣ былъ ежегодный излишекъ. Главная статья денежныхъ расходовъ—это жалованье служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ около 500 р., да неокладныхъ расходовъ въ упомянутые годы рублей 100. Излишекъ, остававшійся отъ расходовъ, не посылался въ Москву, а сохранялся на всякій случай въ Мангазеѣ и ежегодно возрасталъ: отъ 1625 г. былъ остатокъ 369 р., отъ 1626 г.—574 р., отъ 1627 г.—1158 р. и т. д. Окладные и неокладные денежные расходы въ Мангазеѣ увеличивались, но за то мы замѣчаемъ и увеличеніе доходовъ: такъ съ 1-го сентября 1634 г. по то же число 1635 г. денежныхъ расходовъ было 1751 р., а доходу—2681 р. и на 1636 г. съ остаткомъ отъ прошлыхъ лѣтъ было въ мангазейской казнѣ уже 1559 р. ⁴⁰⁾, а на 1637 г. остатокъ былъ 2187 р. ⁴¹⁾.

Увеличеніе доходовъ происходило, главнымъ образомъ, отъ налоговъ чрезвычайныхъ. Къ такимъ налогамъ мы относимъ тѣ пошлины, которыя собирались не ежегодно и не въ одинаковомъ размѣрѣ, какъ „поголовное“, „поживотное“ и „сороковое“; эти налоги составляли особую статью доходовъ на земскія нужды. Поголовной налогъ былъ троякаго рода: а) поголовное вималось съ торговыхъ и промышленныхъ людей по 20 алтынъ за зиму и по 20 алтынъ за лѣто за проживаніе въ Мангазеѣ и Туруханскомъ зимовьѣ; б) поголовное по одной деньгѣ съ торговыхъ и промышленныхъ людей, когда они отправлялись на промыслы, и по гривнѣ съ тѣхъ лицъ, которые безъ товаровъ возвращались на Русь. Эти налоги были постоянными и собирались ежегодно и въ одинаковомъ размѣрѣ. Но было „поголовное“ (голов-

⁴⁰⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 46 лл. 61--92.

⁴¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 78 л. 166.

щина) какъ чрезвычайный налогъ на земскіе расходы. Такъ, въ 1630 г. „поголовное“ собиралось по 10 алтынъ съ человѣка, въ 1634 г. по 20 алтынъ съ человѣка. Въ тѣ же годы взималось съ торговыхъ и промышленныхъ людей „сороковое“, т. е. съ 40 соборей по 10 алтынъ и по 20 ал. Поголовное и сороковое то увеличивалось, то уменьшалось, смотря по промысламъ и по земскимъ нуждамъ. Такъ, въ отпискѣ тобольскаго воеводы отъ 1634 г. читаемъ, что въ этомъ году „поголовное и сороковое собиралось по самой меньшей статѣ“... а въ прошлыхъ годахъ земскіе люди межъ себя собирали деньги на земскіе расходы на Туруханѣ сороковаго и головнаго съ человѣка по рублю, по полтора и по два рубля“. Какъ велики были эти доходы можно судить потому, что въ 1630 г. въ Мангазеѣ поголовнаго съ 436 человѣкъ взято почти 131 р. и сороковаго съ 848 сороковъ—254 руб., а въ 1634 г. того и другаго дохода собрано въ Туруханскомъ зимовьѣ 1163 руб. ⁴²⁾).

Къ чрезвычайнымъ же налогамъ относится и „поживотное“. Такъ, въ 1629 г. въ Мангазеѣ собиралось поживотное съ торговыхъ и промышленныхъ людей на государевы расходы и на всякія издержки съ рубль по 5 денегъ; всего такихъ денегъ съ 27 кочей взято въ этомъ году 674 р. съ копѣйками ⁴³⁾. Но въ 1635 году прислана въ Мангазею государева серебряная печать и велѣно собирать печатную пошлину съ рубля по деньгѣ, а съ „безтоварныхъ“ съ человѣка по гривнѣ. И такихъ денегъ въ этомъ году собрано 565 р. ⁴⁴⁾.

Самою выгодною статьею денежныхъ доходовъ въ Мангазеѣ была продажа вина и меду. Въ мангазейскихъ приходныхъ книгѣхъ кабацкіе доходы не писались, потому что вино и медъ продавались тамъ особыми лицами, присланными изъ Тобольска и вырученныя ими деньги отвозились въ Тобольскъ. До 1620 г. продажа вина и меду въ Мангазеѣ и Туруханскомъ зимовьѣ была вольная и этою торговлею занимались торговые, промышленные и служилые люди и даже воеводы и, конечно, очень наживались отъ продажи питій. Но въ 1620 г. на эту торговлю обратилъ вниманіе тобольскій воевода князь Иванъ Куракинъ и по поводу нея послалъ въ Москву отписку, въ которой писалъ: „Сказывали служилые люди, которые бывали въ Мангазеѣ, что Иванъ Биркинъ посылалъ въ Туруханъ на продажу свое вино и медъ и взялъ за то вино и медъ больше восьми тысячъ рублей. Да и прежніе воеводы тѣмъ же

⁴²⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 26 л. 220; *ibid.* Ст. № 656 (нумеров.).

⁴³⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 26 л. 68.

⁴⁴⁾ *Ibid.* кн. № 78 л. 60.

корыстовались и торговые и всякіе люди межъ себя вино и медъ продають... И если изъ Тобольска послать въ Мангазею и на Туруханъ 150 ведеръ вина и 50 пудовъ меду, то можно тамъ продавать вино по 15 рублей ведро и за 150 ведеръ будетъ денегъ 2250 р., а прибыли—2070 р., за 50 пудовъ меду денегъ будетъ 200 р. и прибыли съ того меду будетъ 140 рублей. А если продавать вино и медъ на мягкую рухлядь, то можно ожидать прибыли вдвое“.... Московское правительство не преминуло воспользоваться этимъ сообщеніемъ и немедленно рѣшилось запретить торговымъ и всякимъ другимъ людямъ продавать вино и медъ въ Мангазеѣ и Туруханскомъ зимовьѣ и открыть тамъ государевъ кабакъ. Тобольскому воеводѣ велѣно послать въ Мангазею тобольскаго подъячаго Чаплина и съ нимъ 200 ведеръ вина горячаго, 100 пудовъ меду, а мангазейскому воеводѣ приказать дать тому Чаплину избу и амбаръ и цѣловальника изъ торговыхъ или промышленныхъ людей. Этому Чаплину велѣно наказать, чтобъ онъ съ цѣловальникомъ продавалъ вино по 15 р. за ведро, а медъ вдвое противъ Тобольска, за ставку 26 алтынъ и 4 деньги, продавать на деньги или на мягкую рухлядь, смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ прибыльнѣе государевой казнѣ, а въ долгъ вина и меду не давать. Кромѣ того наказывалось Чаплину, чтобъ онъ открывалъ торговлю въ кабакъ для торговыхъ и промышленныхъ людей, какъ они уплатятъ десятинную пошлину, — инородцамъ, какъ они заплатятъ ясакъ, но служилымъ людямъ ни вина, ни меду продавать не велѣно, чтобъ они не пропились. Въ Мангазеѣ ежегодно бывала ярмарка, когда торговые и промышленные люди съ торговъ и промысловъ возвращались на Русь, а потому Чаплину предписывалось самому торговать въ Мангазеѣ „какъ будетъ большой свозъ людей“; по окончаніи же ярмарки велѣно ему оставлять въ Мангазеѣ для продажи питій цѣловальника, а самому ѣхать въ Туруханское зимовье и тамъ устроить кабакъ. Если же присланныхъ запасовъ вина и меду не станетъ до весны, то завести приготовленіе вина и меду на мѣстѣ, а матеріалъ для этого покупать у торговыхъ людей. Вырученныя деньги отъ продажи питій велѣно записывать въ особыя книги и класть въ запечатанный ящикъ, а какъ настанетъ весна—водный путь,—то деньги кабацкія пересылать съ служилыми людьми въ Тобольскъ. Въ то же время сдѣлано распоряженіе, чтобъ въ Мангазеѣ и Туруханѣ „никто продажнаго питья у себя не держалъ и не продавалъ“, въ противномъ случаѣ велѣно отбирать питье въ государеву казну, штрафовать такихъ людей и даже наказывать. Самимъ кабатчикамъ наказывалось не бражничать и не воровать, не брать „съ питуховъ“ лишняго и въ вино и медъ воды и

квасу не прибавлять ⁴⁵⁾). Какъ велики были кабацкіе доходы въ Мангазеѣ объ этомъ мы не нашли данныхъ, но надо думать, что они были довольно значительны, если воевода Иванъ Биркинъ могъ выручить отъ продажи вина въ Туруханскомъ зимовьѣ болѣе восьми тысячъ рублей. Чтобы не имѣть конкуренціи, правительство, какъ мы видѣли, запретило частнымъ лицамъ куреніе вина въ Мангазеѣ и даже ввозъ туда меда. Это послѣднее распоряженіе оказалось особенно тяжелымъ для торговыхъ и промышленныхъ людей: они посылаютъ въ Москву одну челобитную за другой, въ которой пишутъ, что имъ на промыслахъ „безъ зайцевъ и меду никакъ пробыть нельзя“ п. ч. „цынжаютъ“. Велѣдствіе этихъ жалобъ государь въ 1639 г. указалъ: для торгу и для соболыныхъ промысловъ пропускать въ сибирскіе города меду прѣснаго до 200 пудовъ челоуѣку съ уплатой десятиной пошлины въ государеву казну ⁴⁶⁾).

Благодаря разнымъ постояннымъ и чрезвычайнымъ денежнымъ доходамъ, государевой казнѣ не приходилось посылать денегъ въ Мангазею: вышеупомянутыми сборами не только покрывались всѣ денежные расходы, но и въ значительной степени хлѣбные. Хлѣбное жалованье служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ, прокормленіе аманатовъ и пріѣзжихъ ясачныхъ людей — это самая тяжелая для казны статья расходовъ. Тяжелая не столько по количеству, необходимому на это жалованье хлѣба, сколько по трудности доставки послѣдняго. Сначала хлѣбъ въ Мангазею привозился изъ Руси, но времени развитія хлѣбопашества на государевыхъ пашняхъ въ верхотурскомъ, туринскомъ и тюменскомъ уѣздахъ, приблизительно съ 1624—25 гг., казнѣ не было надобности покупать хлѣбъ, а послѣдній доставлялся въ „непашенные“ сибирскіе города изъ государевыхъ житницъ этихъ уѣздовъ. Но доставка его сопряжена была съ большими затрудненіями. Путь былъ далекій — по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби, чрезъ Обскую губу, Тазовскую губу и по рѣкѣ Тазу въ Мангазею; этотъ путь, даже при самой благоприятной погодѣ, совершался только въ два съ половиной мѣсяца. Но проплыть Обскую губу было чрезвычайно трудно: если дулъ сѣверный вѣтеръ, то кочи прибывало къ южному берегу, выбрасывало и разбивало ихъ. Особенно часто крушенія происходили гдѣ-то подъ черными горами: погибали суда, хлѣбъ и другіе запасы и даже люди. При томъ рѣдкое крушеніе обходилось безъ того, чтобы въ это время не появлялись самоѣды, не разграбляли оставшіеся хлѣбные за-

⁴⁵⁾ А. М. И. Д. Порф. Миллера № 477.

⁴⁶⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 81 л. 530.

пасы и не убивали спасшихся отъ крушенія служилыхъ и торговыхъ людей. Такъ, въ 1621 г. буря разбила въ Обской губѣ 8 кочей, но крушеніе не имѣло серьезныхъ послѣдствій: погибло только 27 ч. муки, 75 ведеръ вина, 13 пудовъ меду, немного крупъ, толокна и хмелю ⁴⁷⁾.

Но крушеніе въ 1642 г. кончилось совершеннымъ истребленіемъ судовъ, хлѣба и гибелью массы людей. Объ этомъ несчастномъ случаѣ мангазейскій воевода сообщалъ въ Москву слѣдующее. „Въ прошломъ, государь, въ 1642 г. авг. 18 на морѣ подь Черными горами волею Божіей твои государевы и торговыхъ людей кочи съ хлѣбными запасами и на которомъ кочѣ я холопъ твой шель—все разбито безъ остатку и въ Мангазеѣ твоихъ государевыхъ и торговыхъ людей запасовъ нѣтъ ни одной четверти. А которые, государь, торговые и промышленные люди послѣ моего отъѣзду съ морского разбою остались и они пришли портянымъ ходомъ въ Мангазею не всѣ и сказали они мнѣ холопу твоему: зимовали де они на рѣкѣ Пурѣ и зимою ходили на тотъ морской разбой ради хлѣбныхъ запасовъ и своихъ товаровъ, но на томъ походѣ погибло ихъ больше 70 человекъ, а оставшіеся люди въ избушкѣ на рѣкѣ Пурѣ частию перебиты самоѣдами, частию погибли отъ цынга“. Тотъ же воевода сообщилъ, что и въ 1643 г. государевы кочи съ хлѣбными запасами и кочи торговыхъ людей по 14 октября еще не приходили въ Мангазею и вѣстей о нихъ нѣтъ никакихъ. Онъ высказываетъ предположеніе, что, вѣроятно, и эти кочи также волею Божіей разбило на морѣ, какъ и въ прошломъ 1642 г., такъ какъ въ то время, когда кочи должны быть по расчету въ морѣ, были „двѣ великія погоды“—одна послѣ Успеньева дня, а другая на Рождество Богородицы ⁴⁸⁾. Хотя мы и не нашли документальнаго подтвержденія этого печальнаго предположенія мангазейскаго воеводы, но несомнѣнно, что упомянутые кочи погибли въ морѣ. Намъ извѣстно, что самый поздній приходъ въ Мангазею судовъ съ моря возможенъ только въ половинѣ сентября, потому что рѣка Тазъ къ этому времени замерзаетъ и ходъ судовъ прекращается. А если кочи, отправленные лѣтомъ 1644 г., еще не прибыли въ Мангазею, какъ пишетъ воевода, въ половинѣ октября, то гибель ихъ очевидна. Та же участь постигла и хлѣбные запасы, отправленные въ Мангазею въ 1643 г. Въ этомъ году 13 іюля послано изъ Тобольска на двухъ дощаникахъ въ мѣхахъ 2237 пудовъ ржаной муки. Посланные съ хлѣбомъ благополучно добрались до Обдорска; выгрузивъ здѣсь хлѣбъ въ морской кочѣ, они отправились въ Мангазею. Но едва

⁴⁷⁾ А. М. И. Д. Порф. Миллера № 477.

⁴⁸⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 134 лл. 440—444.

только кочь вышелъ въ Обскую губу, какъ его поломало льдомъ и дальнѣйшее плаваніе оказалось невозможнымъ: пришлось возвратиться въ Обдорскъ. Здѣсь служилые люди выгрузили хлѣбъ въ амбары и остались караулить его до слѣдующей весны. Но тутъ явилась новая бѣда: въ то время какъ служилые люди однажды пошли въ избу ужинать, пришли самоѣды, заперли сѣни этой избы и завалили послѣднюю щитами и снѣгомъ. Пока служилые люди выбирались изъ избы, самоѣды успѣли выбить дверь въ амбарѣ и похитить до 10 четвертей муки. Преслѣдованіе воровъ было безуспѣшно: самоѣды приходили въ значительномъ числѣ и, будучи настигнуты служилыми людьми, вступили съ ними въ бой, ранили четырехъ человекъ и благополучно ушли съ похищеннымъ хлѣбомъ. Изъ одной отписки тобольскаго воеводы видно, что весною 1644 года хлѣбъ, хранившійся въ Обдорскѣ, былъ отправленъ въ Мангазею, но до мѣста своего назначенія онъ не дошелъ: мангазейскій воевода писалъ въ Москву (14 окт. 1644 г.), что уже въ теченіе трехъ лѣтъ—1642, 1643 и 1644 г. въ Мангазею не доставлено ни одной чети хлѣба и что служилые и жалецкіе люди помираютъ отъ голода ⁴⁹⁾. Случаи крушенія судовъ съ хлѣбными запасами были и прежде: такъ изъ расходной книги города Мангазеи за 1627 г. видно, что въ этомъ году хлѣбное жалованье служилымъ людямъ давалось „теплою моребойною“ мукою ⁵⁰⁾; въ 1634 г. потонулъ кочь съ солью и пр. ⁵¹⁾.

Эти крушенія причиняли большіе убытки казнѣ и ихъ нужно имѣть въ виду, чтобы опредѣлить чистый доходъ, который получался изъ „заморской вотчины“ государевой, какъ въ то время называлась Мангазея. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно, сколько погибало государевыхъ хлѣбныхъ и другихъ запасовъ во время крушенія судовъ, а потому мы не можемъ эти убытки перевести на деньги; да къ тому же и цѣнность хлѣба въ разные годы была слишкомъ неодинакова. Что же касается обыкновенныхъ ежегодныхъ расходовъ хлѣба въ Мангазеѣ на жалованье—ружникамъ, оброчникамъ и служилымъ людямъ, на варку сусла, браги и пива, на прокормленіе аманатовъ и пріѣзжихъ инородцевъ, то этихъ хлѣбныхъ расходовъ было около четырехъ тысячъ пудовъ; къ этому еще нужно добавить жалованье соли, крупъ и толочна.

Мангазея принадлежала къ „непапненнымъ городамъ“ и всякіе хлѣбные запасы, какъ мы выше упомянули, доставлялись туда изъ другихъ

⁴⁹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 134 лл. 175—182; ст. № 139 л. 162.

⁵⁰⁾ Ibid. кн. № 4 л. 441.

⁵¹⁾ Ibid. кн. № 78 л. 36.

сибирскихъ уѣздовъ. Но правительство московское стремилось и въ мангазейскомъ уѣздѣ развить хлѣбонашество: въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича основана слобода Дыбчаская, которая и донинѣ существуетъ (Дубченское). Основателемъ ея былъ крестьянинъ Осипъ Григорьевъ Цыпани-Голубцовъ. Еще въ 1636 году онъ поселился при впаденіи рѣчки Дыбчаса въ Енисей и началъ заниматься хлѣбонашествомъ, а въ 1638 году на эту заимку получилъ отъ Михаила Ѳедоровича жалованную грамоту со льготой на 10 лѣтъ „пашню распахивать и вольныхъ людей съ Руси призывать и слободу строить“. Въ эти льготные годы насельники слободы освобождались отъ всякихъ податей и повинностей, а по окончаніи оныхъ должны были доставлять хлѣбъ въ Туруханское зимовье на прокормленіе аманатовъ. Продолжительная льгота, каковой не давалось въ другихъ сибирскихъ уѣздахъ, обиліе здѣсь пушнаго звѣря и рыбы скоро къ устью Дыбчаса привлекли вольныхъ людей и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ слободѣ Дыбчаской уже было 16 дворовъ крестьянъ и церковь во имя Св. Троицы съ придѣломъ Николая Чудотворца. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ основателѣ упомянутой слободы, человѣкѣ несомнѣнно смѣломъ и энергичномъ. Онъ былъ родомъ съ рѣчки Мезени, но оставилъ родину, чтобы за нѣсколько тысячъ верстъ отъ нея, въ глубинѣ Сибири, основать себѣ новое гнѣздо. Мы не знаемъ, какимъ образомъ Цыпани попалъ на рѣку Енисей—вѣроятно въ обществѣ своихъ земляковъ промышленниковъ, бороздившихъ Сибирь въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, но несомнѣнно онъ нѣкоторое время проживалъ въ Имбацкомъ зимовьѣ, прежде чѣмъ рѣшился навсегда поселиться на этой рѣкѣ. Выборъ его палъ на урочище Дыбчасъ, около небольшой рѣчки того же имени и при впаденіи ея въ Енисей. Здѣсь жили только одни остяки и, если не считать находящагося въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ Закаменнаго зимовья, какъ только временнаго пріюта мангазейскихъ ясячныхъ сборщиковъ, то самымъ близкимъ русскимъ поселеніемъ былъ Енисейскій острогъ, отстоящій отъ Дыбчаса по рѣкѣ Енисею почти на 400 верстъ. Облюбовавъ упомянутое мѣстечко и найдя возможнымъ здѣсь заняться земледѣліемъ, нашъ герой отправился на Русь, получилъ отъ царя на него жалованную грамоту и соблазнилъ нѣсколько своихъ земляковъ ѣхать съ нимъ въ Сибирь для поселенія на рѣкѣ Енисеѣ. Да, вѣдь это цѣлый подвигъ! И нельзя сказать, чтобы Григорія Цыпаню вела въ такую даль отъ родины горькая нужда; нѣтъ, онъ былъ человѣкомъ не только зажиточнымъ, но и богатымъ. Въ одной своей челобитной къ царю Цыпани говоритъ, что онъ на свои средства „поднималъ крестьянъ“ въ Дыбчасскую слободу и

„снабжавъ ихъ своими животишками“, на свои средства построилъ перковь, которая стоила ему 1500 р. И хотя онъ въ челобитной къ царю и жалуется, что вслѣдствіе такихъ расходовъ „обнищаль и великими долгами одолжалъ“, но это только фразы, которыми обыкновенно челобитчики стараются разжалобить царя; къ тому же бѣдному чело-вѣку и въ долгъ никто не далъ бы такихъ средствъ. Между тѣмъ мы видимъ, что Цыпани, поселившись на Енесеѣ, сталъ заниматься ростовщичествомъ и должниковъ у него было много; для этого тоже нужны хорошія средства. Но въ нравственномъ отношеніи Цыпани былъ не безупреченъ и для мѣстнаго остячкаго населенія, если вѣрить жало-бамъ остяковъ, былъ настоящимъ разбойникомъ. Еще проживая въ Имбакомѣ зимовьѣ, онъ занимался романическими дѣлами и притомъ довольно некрасиваго свойства. Въ него влюбилась одна остячка, невѣстка остяка Закаменнаго зимовья Хайгунка, и Цыпани уговорилъ ее бѣжать къ нему, предварительно обокравъ брата своего мужа. Остячка такъ и поступила; она украла 20 соболей въ 20 рублей, два бобра въ три руб., два англійскаго сукна зипуна—красный и синий—въ 8 руб. и съ этимъ имуществомъ убѣжала къ своему возлюбленному. Хайгунка, узнавъ о бѣгствѣ своей невѣстки и о томъ, что она проживаетъ въ Имбакомѣ зимовьѣ у Цыпани, послалъ туда своего племянника и еще двухъ чело-вѣкъ, чтобы возвратить невѣстку и украденное ею имущество, но посланные возвратились не съ чѣмъ. Тогда Хайгунка самъ отправился въ Туруханское зимовье бить чело-мъ на Цыпаню тамошнему государеву приказному десятнику. Однако успѣхъ челобитной былъ неполный: „десятникъ, жаловался царю Хайгунко, у него Цыпани невѣстку мою взялъ и мнѣ отдалъ, а живота сноснаго съ нею не отдалъ“. Въ той же челобитной сумароковскіе и закаменные остяки писали, что Цыпани въ своей челобитной къ Михаилу Ѳедоровичу „написалъ воровски—будто де то мѣсто у Дыбчаса пусто и не владѣеть тѣмъ мѣстомъ никто.....а то, государь, мѣсто не пустое и владѣли тѣмъ мѣстомъ искони вѣка люди наши и прадѣды... и мы сироты твои и отцы наши тамъ соболей, всякаго съѣстнаго звѣря и рыбу промышляли и тѣми соболями тебѣ государю ясакъ платили сполна, а отъ съѣстнаго звѣря и отъ рыбы сыты были и тѣмъ головы свои кормили; а теперь отъ того Цыпани и отъ его ярыжекъ изгоня, утѣсненія и всякая обида—женъ и дѣтишекъ нашихъ насильничаютъ и во всемъ стѣсняютъ насъ“. Далѣе тѣ же остяки жаловались, что Цыпани пограбилъ у нихъ изъ ямъ запасный зимній кормъ—буракъ порсы въ 5 пудовъ, 26 бураковъ юколы въ 38 пудовъ, а цѣна этому корму 29½ р., да укралъ четыре коробки рыбьяго жира 6 пудовъ на 12 рублей.

Когда же остяки пришли къ грабителю, чтобы выручить свое добро, то онъ бранилъ и билъ ихъ, а одного остяка раздѣлъ и билъ батогами, а имущества всетаки не возвратилъ. За отсутствіемъ юколы четыре промышленныхъ собаки погибли отъ голода, а цѣна имъ 20 рублей. Одинъ остякъ еще жаловался, что мать его однажды тащила чрезъ займку Цыпани, мимо его двора, запасы свои—5 пудовъ порсы, 5 пудовъ юколы и рыбьяго жира, но на нее напалъ Цыпаня, захватилъ все это добро, а остячку такъ побилъ, что она на третій день умерла отъ тѣхъ побоевъ. Оказывается еще, что тотъ же самый Цыпаня грабилъ не только живыхъ остяковъ, но и мертвыхъ: въ 1639 г., жаловались остяки, онъ выкопалъ изъ земли кудесника и что съ нимъ было—платья, стрѣль, рогатинъ и соболей и то все пограбилъ³²⁾. Мы не можемъ сказать, насколько справедливы были жалобы остяковъ на основателя Дыбчасской слободы; слѣдственнаго дѣла по поводу вышеприведенной челобитной этихъ инородцевъ намъ не удалось найти въ архивѣ, а безъ такого дѣла трудно судить о достовѣрности фактовъ, которые находятся въ челобитной. Но если даже и ограничить въ значительной степени справедливость жалобъ остяковъ на Цыпаню, то всетаки остается достаточно матеріала для сужденія о ненормальныхъ отношеніяхъ его къ мѣстному населенію. Въ большинствѣ случаевъ намъ вездѣ приходилось наблюдать, что сельское русское населеніе въ Сибири легко и скоро обживается съ инородцами, среди которыхъ селится, и отношенія между пришлымъ русскимъ и мѣстнымъ населеніемъ устанавливались довольно мирныя. Тѣмъ болѣе такого мира можно ожидать между насельниками Дыбчасской слободы и тамошними остяками, такъ какъ послѣдніе отличались очень мирнымъ характеромъ сравнительно съ другими инородцами мангазейскаго уѣзда—самоѣдами и тунгусами. Но пословица русская говоритъ, что въ семьѣ—не безъ урода, такъ и Цыпаня былъ не зауряднымъ явленіемъ между русскимъ сельскимъ населеніемъ Сибири и если онъ велъ себя въ отношеніи остяковъ, какъ разбойникъ, то это зависѣло отъ его личнаго алчнаго характера; ростовщичество, которымъ онъ занимался, указываетъ на то же самое. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что остяки жалуются только на Цыпаню и его работниковъ, но вѣдь въ Дыбчасской слободѣ было 16 крестьянскихъ дворовъ и на другихъ крестьянъ мы не встрѣчаемъ съ ихъ стороны жалобъ. Впрочемъ и самъ Цыпаня испытывалъ обиды, если не отъ мѣстныхъ инородцевъ, то отъ русскихъ служилыхъ людей. Въ 1651 г. онъ послалъ Алексѣю Михайло-

³²⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 139 лл. 142—144.

вичу челобитную на стрѣлцаго сотника Дементія Титова слѣдующаго содержанія: „Въ нынѣшнемъ году осенью водянымъ путемъ по твоему государеву указу послалъ тотъ Дементій изъ Тазовскаго города вверхъ по Енесею въ Закаменное ясачное зимовье собирать ясакъ и тотъ Дементій въ зимовье не пошелъ, а пошелъ въ Дыбчасскую слободу и сталъ ко мнѣ на подворье силою и сталъ собирать ясакъ съ остяковъ. Да у меня на подворьѣ началъ курить вино и прожилъ цѣлую зиму до весеняго воднаго пути. И отъ того куренія дворъ мой со всѣми хлѣбными запасами и со всякимъ деревенскимъ заводомъ и съ животомъ соженъ и онъ Дементій разорилъ меня до основанія: остался я съ женишкой и сынишкомъ душею, да тѣломъ и пашни пахать нечѣмъ, изъ огня ничего не вынесли“. Затѣмъ Цыпани насчитываетъ убытковъ отъ пожара рублей на триста и больше, не включая сюда дворовыхъ построекъ, какъ то—двухъ горницъ, амбаровъ, хлѣва и т. п. Не отъ однихъ только мангазейскихъ служилыхъ людей Цыпани терпѣлъ притѣсненія и обиды: Дыбчасскую слободу посѣщали и енесеискіе служилые люди и эти посѣщенія стоили дорого ея жителямъ. Въ одной челобитной мы находимъ слѣдующія жалобы Цыпани на енесеискихъ воеводъ и служилыхъ людей. Еще въ льготные годы, жаловался Алексѣю Михайловичу Цыпани, изъ енесеискаго острога воеводы присылали служилыхъ людей ко мнѣ въ займку, будто на заставу, чтобъ промышленные, торговые и ссыльные люди не проходили рѣкою Елогуемъ на Русь, а рѣка, государь, Елогуй отъ моей займки внизъ по Енесею больше дня плыть. И отъ тѣхъ служилыхъ людей тѣснота, продажа и убытки великіе были. А какъ льготные годы отошли, то воеводы енесеискіе стали присылать для сбора пятаго снопа и ту займку приписываютъ къ Енесеискому острогу невѣдомо почему, а та займка мангазейскаго уѣзда у Закаменнаго зимовья. Да мы же, государь, сироты твои волочимся въ Енесеискій острогъ покупать всякіе деревенскіе заводы, потому что Мангазея городъ ненащенный и деревенскихъ заводовъ тамъ нѣтъ никакихъ; а воеводы енесеискіе насъ сиротъ твоихъ приставляютъ ко всякимъ дѣламъ—велятъ насъ выбирать въ городовыя службы, а наемныхъ нашихъ людей берутъ на всякія твои государевы и на свои дворовыя издѣлія и въ томъ намъ чинятся убытки великіе и нашимъ пашнямъ отъ того задержанья помѣшка и недопашка ежегодно“. Въ заключеніе челобитный Цыпани просилъ государя, чтобъ Дыбчасскую слободу къ енесеискому острогу не приписывали, чтобъ насельниковъ ея къ службамъ и разнымъ издѣліямъ въ Енесеискъ не приставляли и воеводы служилыхъ людей въ слободу на заставу не присылали. „А наша займка, государь, хлѣбными запасами будетъ при-

быльна тебѣ государю въ Мангазейскомъ городѣ, потому что Мангазейскій городъ непашенный и хлѣбные запасы служилымъ людямъ и аманатамъ на кормъ посылаются изъ Сибири, а во многіе годы они не приходятъ отъ морскаго разбоя“. Челобитная была уважена по всемъ пунктамъ и государь велѣлъ, чтобъ выдѣльной хлѣбъ Дыбчасской слободы брать въ Туруханѣ и употреблять на прокормленіе аманатовъ⁵³⁾.

Кромѣ Дыбчасской слободы въ описываемое нами время въ мангазейскомъ уѣздѣ не было другихъ крестьянскихъ поселеній; эта слобода была оазисомъ среди инородческаго населенія, которое совсѣмъ не занималось хлѣбонашествомъ. Но и Дыбчасская слобода, хотя ея основаніе относится къ 1638 г., въ силу льготной грамоты не давала еще выдѣльнаго снопа и весь хлѣбъ, необходимый для прокормленія мангазейскихъ служилыхъ людей, ружниковъ, оброчниковъ и инородцевъ доставлялся воднымъ путемъ изъ другихъ сибирскихъ уѣздовъ. Но мы видѣли съ какими трудностями сопряжена была доставка хлѣба въ Мангазею и какіе убытки терпѣла государева казна. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ ниже, было одною изъ главныхъ причинъ упадка Мангазеи и заставило правительство перенести этотъ городъ въ другое мѣсто. Уже въ 1644 г. мангазейскій воевода писалъ, что за отсутствіемъ хлѣба нельзя послать служилыхъ людей въ зимовья для сбора ясака, а равнымъ образомъ и нельзя ожидать прихода торговыхъ и промышленныхъ людей, которые съ промышленныхъ мѣстъ будутъ возвращаться другими дорогами. Значить, въ слѣдующемъ году и нельзя было взять десятинной пошрины, а эта статья доставляла казнѣ самый обильный доходъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Мы выше упомянули, что въ Мангазеѣ процвѣтала торговля и промышленность, которыя не только обогащали торговыхъ и промышленныхъ людей, но и государеву казну. Русскіе люди давно тамъ вели мѣновую торговлю и занимались промыслами: начало этому (въ чемъ мы не сомнѣваемся) положили еще новгородцы, какъ этимъ же смѣлымъ мореходамъ и принадлежитъ честь открытія морскаго пути въ Мангазею. Этотъ путь шелъ изъ устьевъ Двины „Колумемъ, на Канинъ носъ, на Тресковую, на два острова, что у Верендеевскихъ мелей, на Мержевикъ, малыми рѣками и большимъ моремъ, на Югорскій шаръ, на Карскую губу и на Мутную и Зеленую рѣки“, которыя вели чрезъ полуостровъ Ялмалъ въ Обскую губу; такъ описанъ морской путь въ

⁵³⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 408 (ненумер.).

Мангазею въ грамотѣ Михаила Ѳеодоровича отъ 1626 г. ⁵⁴⁾. Изъ устьевъ же рѣки Зеленой мореплаватели, перерѣзавъ почти въ прямомъ направленіи съ Зап. на Вост. Обскую губу, входили въ Тазовскую губу и затѣмъ спускались въ рѣку Тазъ. Весь этотъ путь, т. е. изъ устьевъ Двины на рѣку Тазъ при благоприятной погодѣ совершался въ одинъ мѣсяць, а если выливали изъ Мезени, Пинеги и Печоры, то достигали Мангазеи гораздо скорѣе. Московскому правительству этотъ путь, который называется *старымъ*, былъ долгое время мало вѣдомъ, или вѣрнѣе оно не имѣло о немъ точныхъ, опредѣленныхъ свѣдѣній, хотя и знало, что торговые и промышленные люди плаваютъ моремъ въ Мангазею и въ Енисею ⁵⁵⁾. Точныя свѣдѣнія о морскомъ пути правительство получило только въ началѣ 1616 года отъ тобольскаго воеводы Куракина; послѣдній писалъ въ Москву, „что торговые и промышленные люди ходятъ кочами отъ Архангельскаго города на Карскую губу и на волокъ въ Мангазею, а *другая дорога съ моря въ енисейское устье большими судами*, и что нѣмцы нанимали русскихъ людей, чтобы ихъ отъ Архангельскаго города провели въ Мангазею“ . Сообщая тѣмъ Москву свѣдѣнія о морскомъ пути въ Мангазею, воевода Куракинъ въ тоже время высказалъ опасеніе, что онымъ могутъ воспользоваться нѣмцы для торговли съ сибирскими инородцами, какъ уже и были съ ихъ стороны попытки по разсказамъ торговыхъ и промышленныхъ людей, „а по-здѣшнему, государь, писалъ этотъ воевода, по сибирскому смотря дѣлу, нѣкоторыми обычаями нѣмцамъ въ Мангазею торговать ѣздити поволять не можно; да не токмо имъ ѣздити, ино-бъ, государь, и русскимъ людямъ моремъ въ Мангазею отъ Архангельскаго города для нѣмцевъ ѣздити не велѣть,—чтобъ на нихъ смотря нѣмцы дороги не узнали, и пріѣхавъ-бы воинскіе многіе люди сибирскимъ городамъ, какія порухи не учинили“. Тѣмъ болѣе, замѣчаетъ Куракинъ, что если явятся въ Мангазею какіе воинскіе люди, то помощь подать туда изъ Тобольска или другихъ сибирскихъ городовъ скоро невозможно, такъ какъ Мангазея отъ Тобольска и отъ другихъ сибирскихъ городовъ отдалена... а отъ Архангельскаго города ходъ къ Мангазеѣ близокъ.. ⁵⁶⁾. Это сообщеніе такъ напугало правительство Михаила Ѳеодоровича, что оно въ томъ же году запретило подъ страхомъ опалы и казни плавать тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно. Въ царской грамотѣ тобольскимъ воеводамъ отъ 25 іюня 1616 года читаемъ слѣду-

⁵⁴⁾ Р. И. Биб. т. 8 стр. 363.

⁵⁵⁾ А. И. т. 11 № 30.

⁵⁶⁾ Р. И. Биб. т. 11 стр. 1055—56.

ющее: „Торговымъ и промышленнымъ людямъ всѣхъ городовъ и ясачнымъ самоѣдамъ и татарамъ велѣли сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобы нѣмецкихъ людей на Енисей и въ Мангазею отнюдь никого не пропускали и съ ними не торговали и дорогъ имъ ни на какія мѣста не указывали, а также и торговыхъ и промышленныхъ людей изъ Мангазеи на Карскую губу, на Пустоозеро и къ Архангельскому городу пропускать не велѣли, а велѣли ихъ отпускать изъ Мангазеи на Березовъ и на Тобольскъ“... Въ тоже время тобольскимъ воеводамъ предписывалось получше распросить торговыхъ и промышленныхъ людей: „нѣмецкіе люди съ моря на Енисею кораблями или кочами напередъ сего прихаживали-ль торговати? и будетъ прихаживали, и съ какими товары и многіе-ль люди пріѣзжали“? ⁵⁷⁾).

Тѣ торговые и промышленные люди, которые рассказывали Куракину о попыткахъ нѣмцевъ пробраться въ Сибирь, и не подозрѣвали, что эти рассказы имъ же принесутъ великое горе. Поэтому они, узнавъ о правительственномъ распоряженіи относительно морскаго пути, запѣли уже иную пѣсню. „Въ сыску въ Мангазеѣ многихъ городовъ торговые и промышленные люди сказали, что изъ двинскаго устья моремъ въ енисейское устье большими и малыми кочами сами не бывали и изначала про ходоконъ русскихъ и никакихъ иныхъ людей не слышали; а то де они слышали, что отъ Мутные рѣки и до Обскаго устья непроходимыя злыя мѣста отъ великихъ льдовъ и всякіе нужи, а у Карскіе де губы кораблей нѣмецкихъ не видали, а съ моря по Енисею кораблями или кочами про проходъ нѣмецкихъ людей не слышали и на Карскую губу за большимъ льдомъ ѣздити не можно“. Но въ тоже время торговые и промышленные люди били челомъ, чтобъ имъ разрѣшили ѣздити въ Мангазею и обратно прежнимъ путемъ „большимъ моремъ“. Не смотря на рѣзко бросающееся въ глаза противорѣчіе между „показаніями на сыску“ относительно морскаго пути и упомянутой просьбой, правительство забыло свой страхъ и въ началѣ 1618 г. писало тобольскому воеводѣ: „изъ Мангазеи торговыхъ и промышленныхъ людей всѣхъ городовъ отпускать на Русь большимъ моремъ и чрезъ камень, а съ Руси въ Мангазею велѣтъ ходить со всякими товарами тоже большимъ моремъ и чрезъ камень, какъ напередъ того ходили“. А одного изъ рассказчиковъ про нѣмецкихъ людей, такъ напугавшихъ московское правительство, Еремку Савина, даже велѣно „за то бити нещадно, чтобъ на то смотря инымъ было неповадно воровствомъ смуту затѣвать“ ⁵⁸⁾.

⁵⁷⁾ Р. И. Биб. т. 11, стр. 1058—59.

⁵⁸⁾ Р. И. Б. т. 11, стр. 1066—67.

Однако русскіе люди, по крайней мѣрѣ открыто, недолго пользовались морскимъ путемъ въ Мангазею. Тобольскій воевода, получивши грамоту о разрѣшеніи этого пути, сдѣлалъ на этотъ предметъ столь существенныя замѣчанія, что правительство снова измѣнило свое рѣшеніе. Въ слѣдующемъ году онъ писалъ въ Москву, что если дозволить торговымъ и промышленнымъ людямъ ѣздить въ Мангазею „большимъ моремъ“, то а) невозможно будетъ съ нихъ пошлину собирать и б) нѣмецкіе люди по слѣдамъ русскихъ могутъ пробраться въ Мангазею и Енисею и тогда государевой казнѣ навѣрно будетъ ущербъ ⁵⁹⁾. Эти заключенія приняты во вниманіе и въ концѣ 1619 года изданъ указъ, которымъ снова строжайше запрещалось торговымъ, промышленнымъ и всякимъ людямъ плавать моремъ въ Мангазею ⁶⁰⁾. А чтобы это запрещеніе не нарушалось, въ 1620 году велѣно было построить острожекъ на волокѣ между рѣками Мутной и Зеленой и посылать туда изъ Березова и Тобольска служилыхъ людей челоувѣкъ по 50, чтобы они слѣдили за русскими и нѣмецкими людьми и никого не пропускали тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно ⁶¹⁾. Но тобольскій воевода въ томъ же 1620 году смѣненъ, на его мѣсто посланъ Матвѣй Годуновъ, а этотъ послѣдній на основаніи отписки мангазейскаго воеводы, что „никоними мѣрами нѣмецкихъ людей въ Мангазею не чаяти... и что торговые и промышленные люди, послѣ государева указа, изъ поморскихъ городовъ... большимъ моремъ на Югорскій шаръ... въ Мангазею для промысловъ не ходять“, счелъ лишнимъ послать служилыхъ людей для постановки острога на волокѣ между Мутной и Зеленой ⁶²⁾. Узнавъ объ этомъ, правительство сдѣлало замѣчаніе Годунову и требовало немедленнаго исполненія своего распоряженія. Но ни Годуновъ, ни послѣдующіе тобольскіе воеводы не построили острожка на волокѣ между рр. Мутной и Зеленой и все дѣло ограничилось только тѣмъ, что на указанное мѣсто были посылаемы служилые люди, которые тамъ жили во весь періодъ навигаціи—до 1-го Сентября ⁶³⁾. Между тѣмъ въ 1625 году въ Карской губѣ снова появились нѣмецкіе люди—это экспедиція подъ командою Корн. Восмана—и московское правительство, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, снова требовало отъ тобольскихъ воеводъ постройки острожка на упомянутомъ волокѣ и снова издало указъ, запрещающій подѣ

⁵⁹⁾ Р. И. Биб. т. 11, стр. 1071—72.

⁶⁰⁾ Ibid. стр. 1075.

⁶¹⁾ Ibid. стр. 1077.

⁶²⁾ Ibid. стр. 1084—85.

⁶³⁾ Ibid. стр. 1094—95.

страхомъ смертной казни торговымъ и промышленнымъ людямъ пользоваться морскимъ путемъ для проѣзда въ Мангазею. Однако построить острожокъ между Мутной, и Зеленой оказалось очень трудно. Тобольскіе воеводы въ отвѣтъ на царскую грамоту въ 1627 году послали въ Москву слѣдующую отписку: „Въ прошломъ году, государь, посылали мы атамана И. Баборыкина съ 43 служилыми людьми и двумя проводниками на волокъ и велѣли тамъ поставить острожекъ. Они возвратились назадъ въ Сентябрѣ 1626 года и въ разпросѣ сказали: вышедъ изъ Оби они плыли паруснымъ ходомъ по Мангазейскому морю лѣвою стороною до русскаго заворота двое сутокъ; и противъ русскаго заворота пришла на нихъ съ сѣвера туча съ дождемъ и вѣтромъ—парусъ на кочѣ издрала, саяецъ у кочи выломало, навозокъ разбило, кочъ съ якорей сбило и прибило за кошку. Тутъ они стояли 6 недѣль, дожидаясь пособныхъ вѣтровъ, но до Осножина дня такихъ вѣтровъ не было, а греблюю дойти было невозможно; до рѣки Зеленой не дошли за три дня и двѣ ночи пути паруснымъ ходомъ. Поэтому они съ Осножина дня поплыли назадъ“ ⁶⁴⁾. Въ слѣдующемъ году тобольскіе воеводы опять послали 45 человекъ подъ начальствомъ того-же И. Баборыкина и съ тою же цѣлю, но мы знаемъ, что еще въ 1637 году на волокъ между Мутной и Зеленой не было поставлено острожка. Но служилые люди ежегодно жили до перваго сентября на этомъ волокѣ и торговымъ и промышленнымъ людямъ совершенно былъ прергажденъ морской путь въ Мангазею: Это, какъ увидимъ ниже, самымъ гибельнымъ образомъ отразилось на городѣ Мангазеѣ или Тазовскомъ острогѣ. До построения Тазовскаго острога въ Мангазеѣ, русскіе и зыряне вели здѣсь вольную торговлю съ инородцами, не стѣсняясь ни предметомъ торговли, ни пошлинами съ нихъ. Они привозили на Тазъ и Енесей разныя желѣзныя, мѣдныя, оловянныя и деревянные издѣлія, мужскія и женскія рубахи, поношенныя и новыя, разноцвѣтные зипуны англійскаго и сермяжнаго сукна и пр. ⁶⁵⁾ Иной читатель, пожалуй, удивится и не повѣритъ намъ, что самоѣды и остяки носили такія дорогія одежды, но это несомнѣнно и свѣдѣнія наши взяты изъ подлинныхъ документовъ; напомнимъ только здѣсь о грабежѣ Григорія Цыпани, о чемъ мы упоминали выше, у енесейскаго остяка двухъ англійскихъ зипуновъ—краснаго и синяго. Свой товары русскіе и зыряне промѣнивали инородцамъ на шкуры драгоцѣнныхъ пушныхъ звѣрей и отъ этой мѣны, конечно, имѣли большіе барыши. Не менѣе они обога-

⁶⁴⁾ Р. И. Б. т. 8 отъ 363 стр.

⁶⁵⁾ О предметахъ торговли см. подробнѣе въ нашемъ изслѣд. Заселеніе Сибири.... стр. 180—181.

щались и отъ собственныхъ промысловъ соболей, бобровъ и прочаго пушнаго звѣря. Но съ основаніемъ Мангазеи вольной торговлѣ и вольнымъ промысламъ положенъ конецъ, т. е. ограничены предметы торговли и установлены разныя казенныя пошлины. Самый древнѣйшій документъ, касающій торговли и промысловъ въ Мангазейскомъ и Енисейскомъ краяхъ, относится къ 1600 году. Нѣкоторые торговые и промышленные люди, узнавъ о намѣреніяхъ правительства построить острогъ на рѣкѣ Тазѣ въ 1599 году, обратились къ царю Борису съ челобитной, чтобъ пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ „ѣздить, промыслять и торговать въ Мангазею моремъ и рѣкою Обью на Тазъ и на Пурь, и по Енисею повольно“. Самой этой челобитной до насъ не дошло, а мы знаемъ только отвѣтную на нее грамоту царя Бориса отъ января, 1600 года, слѣдующаго содержания: „Пинежанъ и Мезенцевъ Угримки Иванова, да Ѳедулки Наумова и всѣхъ промышленныхъ людей Пинежанъ и Мезенцевъ пожаловали: въ Мангазею моремъ и Обью рѣкою, на Тазъ и на Пурь и на Енисей имъ ходить и съ самоѣдами, которые живутъ на тѣхъ рѣкахъ... имъ торговать велѣли повольно; а нашу десятую пошлину отъ девяти десятое со всякой мягкой рухляди и со всякаго товара тѣмъ торговымъ людямъ давать на Мезени въ Окладниковѣ слободѣ приказнымъ людямъ и старостамъ и цѣловальникамъ, а кромѣ Окладниковой слободы, что на Мезени, нигдѣ десятого давать имъ не велѣли“. Эта грамота писана еще до основанія Мангазеи въ то время, когда на всемъ морскомъ пути не было еще никакихъ правительственныхъ заставъ, а потому пошлину съ торговыхъ людей можно было взять только тогда, когда торговые и промышленные люди войдутъ съ моря въ р. Мезень, и когда они отправляются съ товарами изъ этой рѣки въ море. Но тою же грамотой не только устанавливалась десятинная пошлина, но и ограничены предметы торговли съ сибирскими инородцами. „А возить имъ съ собою нашихъ государствъ русскіе товары незаповѣдныя, да съѣстные всякіе запасы; а про свою нужду брать съ собою человѣку—по топору или по два, да ножей по два или по три, по саадаку и по рогатинѣ, для того, что они тамъ ради своихъ промысловъ живутъ года по два и по три и имъ безъ того быть нельзя; а больше того имъ съ собой оружія, и топоровъ, и ножей не брать и того имъ ничего не продавать; а заповѣдныхъ товаровъ—пищалей, зелья, саадаковъ, сабель, луковъ, стрѣлъ, желѣзецъ стрѣльныхъ, доспѣховъ, копей и рогатинъ и пнаго какого нибудь оружія на продажу, и топоровъ и ножей и всякихъ заповѣдныхъ товаровъ не возить...“ ⁶⁶). Это

только начало тѣхъ стѣсненій для торговыхъ и промышленныхъ людей, но пока не было заставы на морскомъ пути всякія стѣсненія можно было легко обойти. Но въ 1601 году основанъ на рѣкѣ Тазѣ острогъ, обойти который было уже довольно трудно: изъ Мангазеи и Енисеи выбратъся на судахъ на морской путь иначе нельзя, какъ чрезъ рѣку Тазъ. Уже первымъ воеводамъ Тазовскаго острога правительство строго предписываетъ слѣдить, чтобъ торговые люди платили десятую пошлину не только съ товаровъ, но и со всякихъ съѣстныхъ запасовъ, кромѣ хлѣба, если послѣдній провозится не для продажи ⁶⁷⁾. Затѣмъ въ наказѣ 1603 года вторымъ мангазейскимъ воеводамъ читаемъ слѣдующее: „Прежь сего приходили въ Мангазею и въ Енисею съ Руси многіе торговые люди—Чермичи, Вятчане, Вымичи, Пустозерцы, Устюжане, Усолцы, Важене, Коргопольцы, Двиняне, Вологжане и всѣхъ московскихъ городовъ торговые люди со всякими товарами и торговали во всей Мангазеѣ и Енисеѣ, ѣзди по городкамъ, по волостямъ, юртамъ, зимовьямъ и по селамъ съ мангазейскою и енисейскою самоядью, и мѣняли свои товары на соболи, бобры и на всякую мягкую рухлядь, а исторговався, десятинной пошлины съ своихъ товаровъ не платили. И нынѣ государь Борисъ Ѳеодоровичъ указалъ въ Мангазеѣ для торговыхъ людей поставить гостинный дворъ и велѣлъ всякимъ торговымъ людямъ, приѣзжая торговать въ Мангазеѣ съ самоядью и десятинную пошлину платить на гостинномъ дворѣ, а по городкамъ, волостямъ, по юртамъ, по лѣсамъ и зимовьямъ торговать не велѣлъ“. Дѣйствительно, въ томъ же 1603 г. поставленъ въ Тазовскомъ городѣ гостинный дворъ и этимъ торговля русскихъ людей въ тѣхъ краяхъ въ значительной степени была ограничена. Немногіе инородцы могли приходиться для торговли въ городъ и мѣновая съ ними торговля должна значительно упасть. Впрочемъ, пока оставался свободнымъ морской путь въ Мангазею, гостинный дворъ можно было еще обходить. Можно было, не доплывая Тазовскаго города, высаживаться гдѣ-нибудь на рѣкѣ Тазѣ и ходить въ инородческія юрты для торговли: дѣлать это было легко, потому что Тазовскій городъ отъ устья рѣки Таза находился очень далеко. Но съ того времени, какъ запрещенъ былъ морской путь и когда на волокъ между рѣчками Мутной и Зеленой установлена стража изъ служилыхъ людей, обойти государевы таможи было чрезвычайно трудно. Если и удалось-бы найти способъ обойти мангазейскую таможню, то все равно придется наткнуться на таможи или на Собской и Киртаской заставахъ, или въ Березовѣ ⁶⁸⁾: вѣдь товары всѣ переписывались и

⁶⁷⁾ Р. И. Б. т. 11 стр. 831.

⁶⁸⁾ См. наше изслѣд. Заселеніе Сибири... стр. 178—179.

провезти можно было только то, на что имѣется пропускной листъ изъ какой-нибудь сибирской таможи. Таможенные же порядки были очень строги и отъ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ требовалось неукоснительное исполненіе своихъ обязанностей, а за упущеніе при сборѣ пошлинъ они не только отвѣчали своимъ имуществомъ, но и подвергались „великой ошаль и казни“. Наказъ таможеннымъ головамъ предписывалъ: „сбирать таможенную десятую саболинную пошлину и всякія таможенные деньги съ торговыхъ и промышленныхъ и всякихъ людей вправду по государеву крестному управленію....никому не дружить, по дружбѣ пошлинъ никому не отдавать, посуловъ и поминковъ ничего не брать... роду и племени своему и друзьямъ не наравить, самимъ таможенною пошлиною не корыстаться и своими никакими товарами и хлѣбными запасами не торговать и пр.“ Таможенные головы въ Мангазею и Туруханское зимовье назначались по большей части изъ посадскихъ людей города Тобольска, а иногда присылались съ Руси. Каждый мѣсяць они обязаны были представлять таможенные книги и пошлины мангазейскимъ воеводамъ, а послѣдніе дѣлали имъ мѣсячный учетъ. Черезъ два года таможенные головы смѣнялись и смѣна сопровождалась самымъ строгимъ учетомъ ихъ со стороны новыхъ головъ: если въ таможенныхъ книгахъ являлась какая нибудь неправильность, напр. подчистка, подклейка, переборъ или недоборъ пошлинъ, то таможенные головы задерживались въ Мангазеѣ до государева указа. Кромѣ того головы по окончаніи службы обязаны были являться съ таможенными книгами къ тобольскимъ воеводамъ и послѣдніе обязаны тоже давать имъ учетъ ⁶⁹⁾. Конечно злоупотребленія бывали и рѣдкій таможенный голова оставлялъ свою службу безъ начета: иногда этотъ начетъ былъ ничтожный, нѣсколько денегъ, а напр. на таможенныхъ головахъ Иванѣ Кокоринѣ и Петрѣ Брагинѣ начтено денегъ 211 рублей и мягкой рухляди—167 соболей, 17,530 соболевыхъ хвостовъ, 15 выимковъ соболевыхъ и 179 соболевыхъ цуиковъ. Несмотря на всѣ ихъ объясненія, они принуждены были уплатить изъ своего имущества все, что на нихъ начтено. А между тѣмъ нѣкоторые объясненія неправильностей въ таможенныхъ книгахъ были основательны и должны бы приняты во вниманіе. Напр. относительно подчистокъ Кокоринъ и Брагинъ говорили, что это дѣлалось „не воровски“, а только исправлялись ошибка переписчиковъ, которые были людьми неопытными, таможенное дѣло было имъ „не за обычай“ и они описывались. Но эти описки были такого рода: напр. переписчики въ бѣловыхъ книгахъ ставили по ошибкѣ цифру соболей бѣльшую той, ко-

⁶⁹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 62 лл. 305—315.

торая значилась въ черновыхъ записяхъ, составлявшихся при самомъ сборѣ пошлинъ. Ошибка очевидная и таможенные головы исправляли ее, чтобы цифра соответствовала дѣйствительному количеству провезенныхъ соболей какимъ-нибудь промышленникомъ. Но тѣмъ не менѣе головы должны были представить десятую пошлину сообразно этой ошибочной цифрѣ. Или напр. яѣкоторые промышленники между доброю рухлядью имѣли соболей прѣлыхъ, никуда негодныхъ, и таможенные головы не взяли десятой пошлины съ такой рухляди, но при учетѣ оказались виновными и должны были уплатить недостающую десятую пошлину, какъ-бы съ хорошихъ соболей. Впрочемъ Кокоринъ и Брагинъ несомнѣнно дѣлали злоупотребленіе и значительная часть начета была справедлива: это очевидно изъ слѣдственнаго о нихъ дѣла ⁷⁰⁾. Тѣ же головы заплатились и за своего предшественника, таможенного голову Мокѣева. Послѣдній послѣ учета, сдавъ таможенное дѣло Кокорину и Брагину, по обыкновению долженъ былъ явиться для новаго учета въ Тобольскъ. Здѣсь произвели ему учетъ гораздо строже, чѣмъ Кокоринъ и Брагинъ, которые, вѣроятно, получивъ взятку, скрыли его злоупотребленія и отпустили изъ Мангазеи безъ начета. А по счетному дѣлу въ Тобольскѣ на Мокѣевѣ насчитано мягкой рухляди на 360 рублей. „И то велѣно доправить на таможенныхъ головахъ Ив. Кокоринѣ и П. Брагинѣ по 180 р. за то, что они отпустили Мокѣева безъ счета“. Дьякъ мангазейскій доносилъ, что все доправлено сполна ⁷¹⁾. Словомъ таможенное дѣло въ Сибири обставлено такъ строго, что таможеннымъ головамъ трудно было безнаказанно злоупотреблять своей властью, если только злоупотребленія ихъ касались царской прибыли: ибо всѣ дѣйствія одной таможи повѣрялись другой, чрезъ которую провозился товаръ и злоупотребленіе, дѣлаемое въ одномъ мѣстѣ, могло быть замѣчено въ другомъ и въ третьемъ, а дѣлать вездѣ подарки, чтобы скрыть часть провозимаго товара, было бы невыгодно и для самихъ владѣльцевъ его. Но въ отношеніи торговыхъ и промышленныхъ людей таможенные головы могли позволять себѣ всякія притѣсненія и прижимки: въданномъ случаѣ былъ широкій просторъ для разныхъ злоупотребленій. Одно напр. таможенное правило предписывало головамъ: буде мягкая рухлядь у торговыхъ и промышленныхъ людей свыше ста рублей сорокъ соболей, то такую цѣнную рухлядь отбирать на государя, а владѣльцамъ ея выдавать изъ казны деньги за вычетомъ десятой пошлины. Это правило въ высшей степени было тяжелое: оно вело къ тому, что въ

⁷⁰⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 57 лл. 35—40; *ibid.* № 95 л. 23.

⁷¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 51 л. 285.

царской казнѣ долженъ былъ сосредоточиться весь лучшій пушной товаръ, а вѣдь только такой товаръ и имѣлъ цѣну на граничныхъ рынкахъ. Промышленные и торговые люди пришли въ ужасъ, узнавъ о подобномъ распоряженіи, которое сдѣлано въ 1621 г. Мангазейскій воевода доносилъ правительству, что торговые и промышленные люди не хотятъ исполнять этого правила и бѣгутъ со своими товарами мимо Тазовскаго города, не заплати десятой пошрины; семьдесятъ человекъ, бывшихъ на промыслахъ въ Подкаменной Тунгускѣ, имѣя соболей сороковъ по десяти и пятнадцати побѣжали по новой дорогѣ чрезъ Сургутъ, гдѣ нѣтъ заставы. Эта новая дорога лежала по Енесею чрезъ рѣчку Елогуи волокомъ въ Вахъ и затѣмъ въ Обь. Государь по этой отпискѣ велѣлъ Сургутскимъ воеводамъ на удобномъ мѣстѣ поставить стражу изъ служилыхъ людей и объявить всѣмъ торговымъ и промышленнымъ людямъ— если они будутъ захвачены на новой дорогѣ, то товары будутъ отбираться въ казну и сами будутъ наказываться ⁷²⁾. По упомянутому правилу можно провозить сорокъ соболей въ 100 р., но если сорокъ стоилъ 101 р., то значить такой цѣнный товаръ нужно отдавать въ казну. Вотъ при этой-то оцѣнкѣ и могли таможенные головы и цѣловальники дѣлать прижимки торговымъ и промышленнымъ людямъ. Хотя при оцѣнкѣ участвовали и выборные люди, но всетаки голосъ таможенныхъ головъ имѣлъ первенствующее значеніе и отъ нихъ зависѣло увеличить цѣну сорока соболей на нѣсколько рублей и уменьшить; тутъ безъ подарковъ нельзя было обойтись. Впрочемъ такое правило существовало не долго. Въ наказѣ таможеннымъ мангазейскимъ головамъ въ 1635 г. уже предписывалось отбирать въ государеву казну у торговыхъ и промышленныхъ людей только тѣ соболы, которые будутъ цѣною въ 10, 15 и 20 р. каждый („одинецъ“) и за девять долей давать имъ изъ казны деньги ⁷³⁾. Но такіе цѣнные соболы были рѣдкостью, а потому измѣненное таможенное правило было гораздо менѣе стѣснительно для торговыхъ и промышленныхъ людей.

Не мало было и другихъ поводовъ къ злоупотребленіямъ таможенныхъ головъ своею властью. На Кокорина торговые и промышленные люди жаловались государю: „учалъ онъ у насъ сиротъ твоихъ вынимать соболей—десятую пошрину не по твоему государеву наказу, безъ разбору со всѣхъ промышленныхъ соболей рядомъ, и за худые соболишки и за прѣлые и за лоскутье соболы бралъ добрыми лучшими соболями;

⁷²⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1 л. 186.

⁷³⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 62 лл. 37, 38.

а разбирать намъ сиротамъ твоимъ по прежнему, какъ было при прежнихъ таможенныхъ головахъ, добрый соболь къ добрымъ, а плохой къ плохимъ не давалъ и за худые соболи бралъ лучшими—для своей бездѣльной корысти ради посуловъ“. Торговые и промышленные люди дѣлали себѣ шубы и шапки изъ соболей, бобровъ, изъ пушковыхъ собольихъ „про свою нужу“, какъ они писали въ челобитныхъ, но Кокоринъ смотрѣлъ на дѣло иначе, какъ на способъ избавить отъ десятой пошлины нѣкоторую часть ихъ промысловъ, и потому тѣ шубы и шапки оцѣнивалъ дорогою цѣною и заставлялъ владѣльцевъ этихъ предметовъ уплачивать десятинное, если конечно промышленники не давали ему взятокъ. Жаловались торговые и промышленные люди и на многія другія прижимки таможенного головы Кокорина ⁷⁴).

Къ таможенному вѣдомству принадлежали еще цѣловальники и толмачи; цѣловальничество и толмачество было повинностью для торговыхъ и промышленныхъ людей и послѣдніе выбирали на эти должности людей изъ своей среды. Поэтому злоупотребленіе цѣловальниковъ и толмачей было нѣсколько инаго свойства, чѣмъ злоупотребленіе таможенныхъ головъ: они дѣйствовали въ пользу своихъ избирателей и отъ ихъ злоупотребленій страдала главнымъ образомъ государева казна. Какъ цѣловальниковъ, такъ и толмачей въ Мангазеѣ было по 15-ти человекъ: по одному сидѣло въ Мангазеѣ и Туруханѣ, остальные ѣздили съ служилыми людьми по зимовьямъ и тамъ отпращивали свои обязанности. Какого рода были злоупотребленія этихъ должностныхъ лицъ можно видѣть изъ отписки мангазейскаго воеводы Пожего. Въ 1623 г. онъ писалъ въ Москву: „пріѣзжаютъ въ Мангазею съ Руси изъ многихъ городовъ торговые и промышленные люди для торговъ своихъ и соболиныхъ промысловъ и выбираютъ промежь себя въ мангазейскій уѣздъ въ зимовья цѣловальниковъ и толмачей своихъ городовъ друзей и даютъ имъ своихъ товаровъ рублей на 100, 200, 500 и 600 и тѣмъ цѣловальникамъ и толмачамъ заказываютъ на-крѣпко, чтобъ воеводамъ про то было невѣдомо, и на тѣ товары толмачи и цѣловальники въ мангазейскомъ уѣздѣ въ зимовьяхъ, гдѣ который будетъ для государева ясачнаго сбора соболиной казны, покупаютъ лучшие соболи и бобры и всякую мягкую рухлядь прежде государева ясака, и выходятъ изъ зимовій на соболиные промыслы, и съ своими товарами, не допуская ясачныхъ людей до ясачныхъ городковъ и лучшую мягкую рухлядь у нихъ выкупаютъ на свои товары. А ясачные люди приходятъ въ зимовье къ служилымъ людямъ съ худыми соболями и

⁷⁴) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 95 лл. 37—44.

толмачи воровствомъ приказываютъ имъ, чтобы они лучшіе соболи продавали, а въ государевъ ясакъ носили соболи худые и тѣ ясачные люди по ихъ приказамъ такъ и дѣлаютъ“. Да кромѣ того цѣловальники и толмачи, пишутъ воеводы, закабаливаютъ государевыхъ ясачныхъ людей небольшими долгами, даютъ имъ въ долгъ рубля по 2 или по 3, а потомъ за проценты берутъ у нихъ всякую лучшую мягкую рухлядь годовъ по пяти и по шести, а долгъ всетаки остается; отъ того государевы ясачные люди во всѣхъ зимовьяхъ стали безъ оленей и безъ промысловъ, многіе померли, а иные разбрелись. Изъ того же документа видно, что торговые и промышленные люди нарочно изъ своей среды выбирали въ цѣловальники и толмачи людей „худыхъ задолженныхъ“, но лишь бы знавшихъ самоѣдскій и остицкій языки; потому что такихъ людей легче было задобрить и заставить ихъ заботиться болѣе о своихъ кредиторахъ и друзьяхъ, чѣмъ о государевой прибыли. И если такъ впередъ будетъ, замѣчаетъ тотъ же воевода, т. е. торговые и промышленные люди будутъ выбирать въ цѣловальники и толмачи людей худыхъ, то хорошаго ясачнаго сбора нельзя ожидать. Получивъ эту отписку, Михаилъ Ѳеодоровичъ приказываетъ воеводамъ выбирать въ толмачи и цѣловальники людей добрыхъ и зажиточныхъ, а не воровъ, выбравъ—поверстать ихъ жалованьемъ денежнымъ и хлѣбнымъ, кто въ какую статью годится, и привести ихъ къ крестному цѣлованію, чтобъ имъ государю служить и прямить, а себѣ мягкой рухляди не брали-бъ, ничѣмъ не торговали и торговымъ и промышленнымъ людямъ не наровили-бы ⁷⁵⁾). Но зажиточнымъ людямъ не было никакого интереса служить въ этихъ должностяхъ: жалованье толмачамъ давалось такое же, какъ и рядовымъ стрѣльцамъ, цѣловальникамъ—нѣсколько болѣе. А между тѣмъ имъ строго запрещалось вести торговлю, и значить торговый человѣкъ, взявши на себя обязанность толмача или цѣловальника, долженъ былъ довольствоваться только ничтожнымъ жалованьемъ и бросить столь выгодные въ Мангазеѣ промыслы и торговлю. Вслѣдствіе этого, не смотря на царскіе указы, въ толмачи и цѣловальники торговые и промышленные люди выбирали изъ своей среды только людей худыхъ и воеводы не имѣли возможности заставить служить въ этихъ должностяхъ людей зажиточныхъ: толмачемъ и цѣловальникомъ могъ быть только тотъ, кто зналъ самоѣдскій и остицкій языки, но зажиточные торговые люди нарочно говорили, что они этихъ языковъ не знаютъ и стало-быть не могутъ исполнять обязанностей ни толмачей, ни цѣловальниковъ. Поэтому нужда, особенно въ толмачахъ, была ве-

⁷⁵⁾ А. М. И. Д. Портф. Миллера № 477.

лика и иногда доходила до того, что толмачество поручалось такимъ лицамъ, которыя сами плохо знали инородческіе языки и толмачили чрезъ своихъ женъ. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича остяки Имбацкаго зимовья послали въ Москву слѣдующую челобитную. Упомянувъ сначала о прежнемъ толмачѣ Иванѣ Волюнкинѣ, который хорошо зналъ остяцкій языкъ и толмачилъ въ Имбацкомъ зимовьѣ лѣтъ 12 и что при немъ обидъ остякамъ никакихъ не было и расправа имъ отъ приказныхъ людей была правая, челобитчики пишутъ: „а съ 1641 г. воеводы стали посылать къ нимъ въ Имбацкое зимовье съ служилыми людьми толмачей перемѣнныхъ и худыхъ, которыя ихъ остяцкаго языка вполнѣ не разумѣютъ и разговора остяцкаго хорошо не знаютъ, а толмачать при посредствѣ своихъ женъ; при такихъ толмачахъ имъ отъ приказныхъ людей прямой расправы нѣтъ, такъ какъ жены толмачей ни о чемъ говорить приказнымъ людямъ не смѣютъ и имъ въ ясачномъ сборѣ бываетъ великое отягощеніе“⁷⁶⁾.

Мы выше говорили о тѣхъ разнообразныхъ пошлинахъ, которыя собирались въ государеву казну, какъ то: поголовное, амбарное, лавочное, поживотное, проѣзжая, отъѣзжая и пр. Но самая важная пошлина— это десятинная съ промысловъ, съ купли и продажи всякихъ товаровъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ, которые торговые и промышленные люди привозили въ Мангазею. Относительно съѣстныхъ припасовъ сдѣлано только исключеніе для хлѣба, который можно было провозить безпошлинно. Но торговые люди стали злоупотреблять этимъ правомъ и, накупивъ хлѣба въ верхтурскомъ, тюменскомъ и туринскомъ уѣздахъ, привозили оный въ Мангазею подъ видомъ съѣстныхъ запасовъ и производили тамъ очень выгодную торговлю: въ нашенныхъ сибирскихъ уѣздахъ въ урожайные годы пудъ муки стоилъ нѣсколько копѣекъ, а въ Мангазеѣ и Туруханѣ онъ продавался по 50 к., по рублю и даже по 2 р. за пудъ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе тобольскій воевода Сулешовъ, столь много заботившійся о государевой прибыли, и установилъ пошлину и съ хлѣбныхъ запасовъ. Вслѣдствіе этого такъ много собиралось въ государевой мангазейской казнѣ хлѣба, что при Сулешовѣ имъ уплачивали въ Мангазеѣ хлѣбное жалованье служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ и изъ Тобольска въ это время совсѣмъ не посылался хлѣбъ въ „заморскую государеву вотчину“⁷⁷⁾. Это „уложеніе“ Сулешова существовало не долго и въ мангазейскихъ книгахъ хлѣбныхъ приходовъ съ 1627 г. мы не встрѣчаемъ статьи

⁷⁶⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 189 л. 145.

⁷⁷⁾ Р. И. Б. т. 8, стр. 353.

прихода пошлиннаго хлѣба. Очень можетъ быть, что торговые люди перестали торговать въ Мангазеѣ хлѣбомъ, находя эту торговлю невыгодною, послѣ того какъ должны были уплачивать десятинную пошлину при покупкѣ хлѣба въ пашенныхъ сибирскихъ городахъ и при продажѣ въ Мангазеѣ. На практикѣ оставалось такъ: хлѣбные запасы по 5 четвертей на человѣка можно было провозить безпошлинно, а при продажѣ его взималась пошлина. Но изъ отписки мангазейскаго воеводы въ 1641 г. видно, что торговые и промышленные люди иногда отказывались платить десятую пошлину и при продажѣ хлѣба, и воевода не находилъ нужнымъ требовать ее ради того, чтобъ „ихъ торговыхъ и промышленныхъ людей отъ мангазейскихъ торговъ и промысловъ не отогнать“, тѣмъ болѣе, какъ доносилъ воевода, продажа хлѣба бываетъ малая—четверти по 2 и по 3 ⁷⁸⁾). Съ другихъ же съѣстныхъ запасовъ—меду, рыбы, зайцевъ и пр. десятая пошлина взималась всегда, если только торговые люди напередъ не заручились царской грамотой „о безпенномъ провозѣ“, что было рѣдкимъ исключеніемъ.

Главная статья государевыхъ доходовъ въ Мангазеѣ—это десятая соболиная пошлина съ промышленной и покупной всякой мягкой рухляди. Это ясно будетъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ 1626 г. взято на	14,062 р. 30 к.	(А. М. Ю. Сиб. Прик. Ст. №	4 л. 474)
„ 1627 „ „ „	15,492 „ 60 „	(ibid. „ „	4 „ 489)
„ 1628 „ „ „	15,354 „ 19 „	(ibid. кн. „	17 „ 61)
„ 1631 „ „ „	12,952 „ 78 „	(ibid. ст. „	58 „ 368)
„ 1635 „ „ „	10,749 „ 90 „	(ibid. „ „	58 „ —)
„ 1636 „ „ „	17,265 „ 17 „	(ibid. „ „	52 „ 137)
„ 1637 „ „ „	13,729 „ — „	(ibid. кн. „	204 „ 143)
„ 1638 „ „ „	11,443 „ — „	(ibid. ст. „	73 „ 75)
„ 1641 „ „ „	11,812 „ 92 „	(ibid. „ „	103 „ 861)
„ 1642 „ „ „	12,594 „ 22 „	(ibid. „ „	111 „ 123)
„ 1646 „ „ „	5,113 „ 90 „	(ibid. кн. „	204 „ 145)

Мы вездѣ обозначали мангазейскую цѣну пушнаго товара, но московская оцѣнка была гораздо выше: напр. въ 1628 г. въ Мангазеѣ десятинный сборъ мягкой рухляди оцѣненъ въ 15,354 р., а въ Москвѣ—въ 17,285 р. ⁷⁹⁾; въ 1635 г. десятинную мягкую рухлядь въ Мангазеѣ оцѣнили въ 10,749 р., а въ Москвѣ—въ 12,952 р. ⁸⁰⁾. Такимъ образомъ, если къ десятинной пошлинѣ прибавить еще ясакъ и поминки, то окажется, что государева казна ежегодно получала изъ Мангазеи мягкой рухляди minimum по московской цѣнѣ на 17 тысячъ рублей, а

⁷⁸⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 571.

⁷⁹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 17 л. 63.

⁸⁰⁾ Ibid. кн. № 20.

махімум около 30 т. рублей *). Но Мангазея, какъ мы упомянули выше, была золотымъ дномъ не только для государевой казны, но и для торговыхъ и промышленныхъ людей. Контингентъ послѣднихъ состоялъ почти исключительно изъ жителей нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній. Такъ изъ таможенной книги 1641 г. видно, что чрезъ мангазейскую таможену въ Іюнь и въ Іюль мѣсяцахъ этого года проѣхали на Русь всего 247 человекъ: пинежанъ—61 ч., устюжанъ—44, важежанъ—21, сольвыгодцевъ—17, мезенцевъ—7, вологжанъ—5, усольцевъ—6, двинянъ—4, гостинной московской сотни—4 чел., патриаршихъ крестьянъ—2 ч., Сергіева монастыря крестьянъ—4 ч., тюменцевъ—3,

*) Пожалуй, иному читателю будетъ интересно знать, какое же употребленіе имѣла эта масса шкуръ разныхъ пушныхъ звѣрей, ежегодно присылаемыхъ изъ Сибири въ государеву казну? Чтобы удовлетворить любопытство читателя, мы приведемъ здѣсь данныя изъ расходной книги Казанскаго Дворца, изъ которыхъ видно будетъ, на какіе предметы расходовалась государева соболиная казна. „1627 г. сентября 7, 40 соболей цѣна 60 р. послано государю одарить тѣми соболями отца своего св. патр. Филарета на праздникъ Рожд. Богор.“ Октября 27. „Солунскому епископу, Синайскому архимандриту, Аѳонской горы строителю и келарю, по намъ и дьяконамъ отъ государя и отъ свят. патриарха—40 соболей цѣна 28 р., 40 соболей цѣна 20 р., 480 соболей цѣна по 15 р. сорокъ“. Ноября 26 „Дохтору Ортемію для загарской посылки жалованья государева 40 соболей цѣна 75 р. и 40 „соболей цѣна 50 р.“—Свѣйскому королю послано соболей отъ государя на 240 р. и отъ патриарха на 70 р.“—„Турской земли города Мирликія Никольскаго монастыря митрополиту Іереміи и старцамъ на 75 р. соболей“ „Послать въ Крымъ по цареву и калгину запросу на 1070 р.“—„въ Крымъ цареву ближнему человекъу Алгазы Агѣ на 50 р.“—„Послать милостыни цареград. патриарху Кириллу и александр. патриарху Герасиму на 400 золотыхъ соболями“. Таковъ расходъ соболиной казны на жалованье, подарки и милостыни. Но московскіе цари были и первыми купцами въ московскомъ государствѣ: они вели значительную торговлю пушнымъ товаромъ въ Персіи и наживали хорошія деньги. „Гостю Ѳедору Котову и торговымъ людямъ, которые посланы съ нимъ съ государевымъ товаромъ въ персичкую землю соболей на 140 рублей“ Апрѣля 20. „По государеву указу гостю Булгакова велѣно выдать изъ Казанскаго дворца соболей на 1673 г. для торговли съ кизильбашскими купчищами на сырой шелкъ“. Затѣмъ московскіе цари за всякаго рода покунки улачивали не деньгами, а шкурами пушныхъ звѣрей. Марта 25. „Велѣно дать торговому человекъу Андрею Семенову за золотые и за золото дѣльное, что у него взято къ золотому дѣлу, соболями на 663 р. 20 а.“ „Торговому человекъу за 800 золотыхъ угорскихъ по цѣнѣ на 672 р., по 28 ал. за золотой дать соболями и иною мягкой рухлядью всего 15 сороковъ соболей“. „Торговому человекъу Семенову за взятый у него жемчугъ 482 золотника по цѣнѣ за 907½ р. дать соболями“. „Торговому человекъу А. Семенову за взятые у него къ госуд. дѣлу 890 золотыхъ угорскихъ, да 111½ золотниковъ золота дѣльнаго, 142 золотника жемчугу мелкаго по цѣнѣ за 907 р. 14 а. дать соболями“.

тобольчанъ—6 и т. д. Словомъ $\frac{9}{10}$ торговыхъ и промышленныхъ людей приходилось на жителей нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній и это понятно почему. Послѣдніе давно были знакомы съ Мангазеей, какъ и съ инородцами—самоѣдами и остяками, знали ихъ языкъ и нравы, давно были знакомы съ водными путями, ведущими въ Сибирь, и затѣмъ вслѣдствіе неудобной для хлѣбопашества почвы они преимущественно занимались торговлею и промыслами. Эти 247 человекъ имѣли пушнаго товара на 28 т. рублей: нѣкоторые изъ нихъ везли рублей на 40, на 100, другіе на 500 р., и нѣкоторые на 1000, 1500 р. и болѣе ⁸¹⁾.

Районъ торговыхъ и промышленныхъ операцій русскихъ людей очень обширный—по рр. Пуру, Тазу, Енесею, Пясидѣ, Хетѣ, Хотангѣ, Анабарѣ, Тунгускамѣ, Вилюю, Ленѣ и даже по островамъ Ледовитаго океана. Число торговыхъ и промышленныхъ людей, ежегодно отправлявшихся въ мангазейскій уѣздъ, было неодинаково, какъ это видно изъ таможенныхъ книгъ, отъ 500 и до 1000 человекъ, но когда существовалъ морской путь ихъ, вѣроятно, было значительно болѣе; только отъ того времени до насъ не дошло ни одной таможенной книги. Они жили тамъ по 2, по 3 и даже по 5 лѣтъ. Большая часть ихъ самостоятельно занималась торговлею и промыслами, а нѣкоторые торговые люди, напр. гостинной сотни, посылали въ Мангазею своихъ приказчиковъ или за покупкою пушнаго товара, или для промысловъ. А какъ велики были денежныя суммы, посылаемыя торговыми людьми съ своими приказчиками для закупки шкуръ пушныхъ звѣрей, можно судить по слѣдующему случаю. Въ 1637 г. Надѣйка Свѣшниковъ послалъ въ мангазейскій уѣздъ своего приказчика съ тремя людьми и вручилъ ему денегъ 5500 р. Судьба этого дѣла была самая печальная. Въ слѣдующемъ году Свѣшниковъ уже билъ челомъ государю, что посланный имъ приказчикъ умеръ, а люди его живутъ въ Сибири на Ленѣ „проживаютъ и пропиваютъ тотъ животъ мой“ и просилъ написать грамоту ленскому воеводѣ, чтобъ онъ отыскалъ тѣхъ людей и выслалъ ихъ въ Москву ⁸²⁾. Эта сумма въ $5\frac{1}{2}$ т. рублей свидѣтельствуетъ о большихъ торговыхъ оборотахъ, которые имѣли нѣкоторые торговые люди въ Сибири.

Что же касается всего товара, провозимаго ежегодно чрезъ мангазейскую таможеню, то объ этомъ также можно судить по нѣкоторымъ даннымъ. Десятая пошлина, собираемая на государя, не всегда можетъ обозначать количество всего товара, провезеннаго чрезъ мангазейскую таможеню, потому что иногда торговые люди возвращались чрезъ Мангазею

⁸¹⁾ А. М. Ю. Сиб. П. кн. № 504 л. 148.

⁸²⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 139 л. 488.

на Русь, уже уплативъ такую пошину въ Ленскомъ или Енисейскомъ острожкахъ: напр. въ 1637 г. мангазейскій воевода доносилъ, что 130 человекъ, съ которыхъ довелось взять десятой пошны 827 со-роковъ, 36 соболей, уплатили эту пошину въ Ленскомъ и Енисейскомъ острогахъ ⁸³). Но за то всѣ платили въ Мангазеѣ „поживотное на мѣрскіе государевы расходы“ и еслибъ эта пошнина собиралась постоянно, то мы имѣли бы документальныя данныя относительно цѣнности всего товара, ежегодно провозимаго на Русь чрезъ Мангазею. Но, какъ мы выше говорили, „поживотное“ принадлежало къ чрезвычайнымъ пошлинамъ и взымалась только за нѣкоторые годы. Такъ съ 12 Юля 1635 г. по 1-е Сентября таковой пошны по деньгѣ съ рубля взято съ торговыхъ и промышленныхъ людей 565 р., стало-быть цѣнность ихъ товара опредѣлена въ 565,000 рублей ⁸⁴); въ 1629 г. этого же рода пошны по 5 денегъ съ рубля взято съ 347 человекъ 674 руб., значитъ, товара было на 135 тысячъ рублей ⁸⁵).

Къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича городъ Мангазея сталъ все болѣе и болѣе падать. Еще въ 1627 году мангазейскіе торговые и промышленные люди разныхъ городовъ били челомъ государю, что въ Мангазеѣ—около Мангазейскаго города, Туруханскаго зимовья, вверхъ по Енисею и внизу Нижней Тунгуски—соболи и бобры „опромышлялись“ и они начали ходить въ верхнія мѣста Тунгуски, гдѣ соболи добры и всякаго звѣря много ⁸⁶). Такимъ образомъ первую причиною упадка Мангазеи было оскудѣніе того богатства, которымъ прежде славилась мангазейская область. Открылись новыя мѣста промысловъ—это верхнія части Нижней и Средней Тунгусокъ, но эти мѣста слишкомъ далеко находились отъ города Мангазеи: торговые и промышленные люди пишутъ, что они изъ Тазовскаго города доходятъ до верхнихъ промышленныхъ мѣстъ только на другое лѣто. И вотъ торговые и промышленные люди, чтобы сократить разстояніе начинаютъ жить въ Туруханскомъ зимовьѣ и въ этомъ мѣстѣ мало-по-малу образуется такой же центръ, какимъ прежде былъ городъ Мангазея. Только пока существовалъ послѣдній проживанье въ Туруханѣ вызывало множество неудобствъ. Торговымъ и промышленнымъ людямъ по разнымъ случаямъ часто приходилось ѣздить въ городъ, гдѣ жили воеводы и эти поѣздки сопряжены были съ большими трудностями, убытками и

⁸³) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 571 (неномер.).

⁸⁴) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 78 л. 60.

⁸⁵) Ibid. кн. № 26 л. 68.

⁸⁶) Р. И. Б. т. 11 стр. 849.

потерею времени. Напримѣръ въ 1634 г. они жаловались, что приказные люди въ Туруханѣ судятъ ихъ по исковымъ челобитнымъ только до 5 р., а если искъ превышалъ эту сумму, то они расправы не даютъ и посылаютъ истцовъ и отвѣтчиковъ къ воеводамъ въ Мангазею. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, на торговыхъ и промышленныхъ людяхъ лежала обязанность возить ежегодно весною изъ Туруханскаго зимовья въ Мангазею аманатовъ съ служилыми людьми для государева жалованья и разспросу о сборѣ ясака и привозить ихъ обратно. А между тѣмъ путь этотъ былъ длинный и неудобный: по рѣкѣ Турухану можно было плыть въ большихъ судахъ, по малымъ рѣчкамъ нужно было перегружаться въ коломенки, нѣкоторыя мѣста тянуть волокомъ, а затѣмъ по рѣкѣ Тазу снова переходить на кочи; вслѣдствіе этого путь отъ Туруханскаго зимовья до Мангазеи совершался только въ три недѣли и обратный проѣздъ требовалъ столько же времени. А пока, ищутъ челобитчики, изъ Мангазеи не привезутъ аманатовъ, приказные люди не отпускаютъ торговыхъ и промышленныхъ людей изъ Туруханскаго зимовья на соболиные промыслы ни одного человѣка, а въ это время вешняя вода изъ Тунгусокъ уходитъ, путь по этимъ рѣкамъ вслѣдствіе пороговъ дѣлается затруднительнымъ и они доходятъ до промышленныхъ мѣстъ слишкомъ поздно и потому ежегодно „живетъ безпромыслица“. Да и мангазейскій воевода въ томъ же году доносилъ, что эти переѣзды тяжело отзываются на торговыхъ и промышленныхъ людяхъ и спрашивалъ, не прикажетъ ли государь ему или его товарищу жить въ Туруханскомъ зимовьѣ, тѣмъ болѣе, что въ Мангазеѣ теперь собирается пошлина только съ юколы, „съ собачьяго костя“, съ рыбы и съ зайцевъ да и то небольшая⁸⁷⁾. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ промыслы, которые въ прежнее время давали огромные барыши, дѣлаются все менѣе и менѣе выгодными, да къ тому же они находились теперь въ странѣ тунгусовъ, народа жестокаго, который массамаи нападалъ на торговыхъ и промышленныхъ людей и убивалъ послѣднихъ ежегодно человѣкъ по тридцать, по 50, по 100 и больше. Слухи объ этихъ трудностяхъ и убійствахъ доходятъ до Руси и въ Мангазею все менѣе и менѣе торговыхъ и промышленныхъ людей отваживаются ѣздить ради торговли и промысловъ. Наконецъ, нѣкоторыя случайныя обстоятельства имѣли большое вліяніе на паденіе города Мангазеи. Мы выше упоминали, что съ 1641 и до 1644 г. въ этотъ городъ не пришло ни одной кочи съ хлѣбомъ: всѣ они были разбиты бурями въ Обской губѣ. И въ Мангазеѣ насталъ великій голодъ: жители питались въ это время юколой, „собачьимъ

⁸⁷⁾ А. М. Ю. Сиб. Прик. ст. № 656.

костьемъ“ и т. п. Къ довершенію несчастья въ 1643 г. городъ почти весь выгорѣлъ: сгорѣли воеводскій дворъ, государевы амбары, съѣзжая изба, нѣкоторыя городскія стѣны, а оставшіяся отъ пожара постройки были то разломаны, то раскрыты. Изъ Казанскаго дворца шлется мангазейскимъ воеводамъ приказъ немедленно служилыми, торговыми и промышленными людьми поставить острогъ, укрѣпить его всякими крѣпостями, построить воеводскій дворъ, съѣзжую избу, государевы амбары. Но исполнить этотъ приказъ оказывается нѣтъ возможности. Служилые люди послали государю такую челобитную: „Намъ холопямъ твоимъ порченыхъ, разломанныхъ и раскрытыхъ мѣстъ Мангазейскаго города и острогъ ставить на горѣломъ мѣстѣ, съѣзжую избу, воеводскій дворъ и государевы амбары дѣлать нечѣмъ: насъ въ Мангазеѣ служилыхъ людшекъ всего 94 человекъ, да изъ нихъ 70 человекъ посылаются на государевы годовыя, двухгодовыя и трехгодовыя службы по ясачнымъ зимовьямъ и съ ясакомъ въ Москву, 10 человекъ сидятъ въ тюрьмѣ и остается въ Мангазейскомъ городѣ для береженія государевой казны всего 14 человекъ. Да въ Мангазею по 3 года государевыхъ кочей и торговыхъ и промышленныхъ людей не приходило, всѣ тѣ суда разбило въ морѣ до основанія и мы служилые людишки не получали хлѣбнаго и соянаго жалованья по 2 по 3 и по 4 года. На твои государевы службы поднимались, должая великими долгами, жены и дѣти наши, живучи въ Мангазейскомъ городѣ, терпятъ голодъ, а теперь и дожаться не у кого, потому что городъ запустѣлъ....“⁸⁸⁾

Самъ воевода зимою писалъ въ Москву, что „онъ въ великій постъ уходитъ въ Туруханское зимовье и до того времени хлѣбными запасами, привезенными изъ Енисейска, нельзя прокормиться помимо юколы и „кости собачьяго“, что дьякъ Олодуровъ, бросивъ государевы дѣла, убѣжалъ, и ѣхавшій на его мѣсто дьякъ Теряевъ, не доѣхавъ Мангазеи, застрѣлъ въ рѣкѣ Тазѣ и умеръ голодною смертію; промышленные жилецкіе люди осенью побрели въ Туруханъ и енисейскій острогъ, а многимъ стрѣлецкимъ женамъ, мужья которыхъ находятся на службахъ, придется съ дѣтьми помереть отъ голоду, потому что въ Туруханъ онѣ брести не могутъ, а изъ Турухана въ зимнее время прислать въ Мангазею хлѣбныхъ запасовъ невозможно. Кромѣ того, воевода сообщалъ, что на весну онъ не можетъ послать служилыхъ людей въ зимовье для сбора ясака такъ какъ нечѣмъ подняться, что въ Туруханѣ и въ Мангазеѣ въ этомъ году государевыхъ денежныхъ до-

⁸⁸⁾ А. Ю. Сиб. Прик. ст. № 139 л. 160.

ходовъ ничего не будетъ, потому что собрать не на комъ и не съ чего“⁸⁹⁾.

Такова была печальная картина положенія Мангазеи въ 1644 году! Въ Туруханскомъ зимовьѣ дѣла были не лучше. Мангазейскій воевода, явившись сюда, прежде всего объявилъ торговымъ и промышленнымъ людямъ указъ о постройкахъ въ Мангазеѣ, но самъ онъ, видя ихъ бѣдность и малочисленность далъ имъ „въ городской подѣлкѣ сроку до государева указа“. Но эта бѣдность однако не помѣшала ему взыскивать съ тѣхъ же торговыхъ и промышленныхъ людей деньги 73 р. за площадное письмо. Последнее отдавалось на откупъ за 73 р. въ годъ, но площадной писецъ въ виду тяжелыхъ временъ сбѣжалъ и теперь воевода рѣшается доправить эти деньги на торговыхъ и промышленныхъ людяхъ и, по обыкновенію, правожомъ; такимъ же средствомъ онъ хотѣлъ заставить торговыхъ и промышленныхъ людей дать цѣловальниковъ для посылки послѣднихъ въ ясачныя зимовья. Въ отвѣтъ на царскій указъ о постройкахъ въ г. Мангазейскомъ и на дѣйствія воеводы торговые и промышленные люди послали Михаилу Федоровичу челобитную, изъ которой ясно видно, чѣмъ была для нихъ Мангазея прежде и чѣмъ теперь стала. „По твоему государеву указу“, пишутъ они, „воевода велѣлъ намъ, сиротамъ твоимъ, промежь себя изъ торговыхъ и промышленныхъ людей выбирать во всякія, мангазейскія службы годовыя, двухъ годовыя и трехъ годовыя противъ прежнихъ годовъ. А въ прежніе годы всякихъ выборныхъ людей въ Мангазеѣ было по 30 человекъ и больше тѣ службы всякому человеку стоили въ годъ рублей по 40 и 50, а дальніе рублей по 80, но теперь такихъ службъ мы нести не можемъ, потому что не тѣ времена, не такіе теперь торги и промыслы! Въ прежніе годы торговыхъ и промышленныхъ людей приходило въ Мангазею человекъ по 600, 700 и больше и съ соболиныхъ промысловъ возвращалось каюковъ по 100 и по 150 и больше да изъ Енисейскаго острога приходило дощаниковъ по 20, такъ что всякихъ людей на мангазейскую ярмарку съѣзжалось тысячи по двѣ и больше. А каковы тогда были торги и промыслы! У одного человека товару тысячи на 2, на 3, на 4, на 5 и болѣе. На одного человека „ужиня“ (долей) по 50 и болѣе. И всякія государевы службы служили безъ ослушанія и безъ отягощенія, а теперь собралось торговыхъ и промышленныхъ людей только человекъ 150, да изъ Енисейска пришелъ одинъ досчаникъ. И всѣ люди бѣдные задолжавшіеся и голодные! А если бываютъ богатые люди, то это прикащики кушцовъ гостинной

⁸⁹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 134 лл. 443, 444, ст. № 139 л. 165.

сотни, которые торгуютъ тысячъ на 6, на 7 и больше, но они пожалованнымъ московскимъ грамотамъ не служатъ никакихъ государевыхъ службъ“. Въ той же челобитной мы находимъ и указанія—почему въ Мангазею все менѣе и менѣе стало приходиться торговыхъ и промышленныхъ людей. Послѣдніе годы промыслы стали неудачны и избыточны: ясачные люди тунгусы на промыслахъ въ лѣсахъ и въ зимовьяхъ промышленниковъ убиваютъ, мучать, жгутъ, отнимаютъ хлѣбныя запасы, всякія промышленныя орудія соболи и платье: въ 1642 г. тунгусы убили промышленниковъ 20 человекъ, въ 1643—1644 гг. убили 35 человекъ, а во многіе годы убивали человекъ по 100 и болѣе. Вслѣдствіе этого, читаемъ въ челобитной, оттого мученья и грабежу промышленные люди отбыли промысловъ и задолжались великими долгами. Да въ 1642 г. кочи, прибывшія съ моря, замерзали въ р. Тазѣ и русскимъ людямъ пришлось побросать свои товары и оттого торги и промыслы принесли только одни убытки. Мы также упоминали, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ государевы кочи съ хлѣбными запасами разбивало на морѣ, но между этими кочами всегда были и кочи торговыхъ и промышленныхъ людей, стало быть и послѣднія постигала та же участь, какъ и казенныя. И вотъ промышленные люди, слыша объ убійствахъ и грабежахъ тунгусовъ, о крушеніи кочей на морѣ, о пожарѣ въ Мангазеѣ, о великихъ тягостяхъ отъ государевыхъ службъ и издѣлій, о голодѣ въ Тазовскомъ городѣ, не рѣшаются уже предпринимать далекое путешествіе въ Мангазею. Да и тѣ, которые были на промыслахъ, человекъ 150, получивъ подобныя вѣсти, не пошли въ Мангазею въ 1644 г., а, уплативъ десятую пошлину на заставѣ при устьяхъ Подкаменной Тунгуски, возвратились на Русь инымъ путемъ чрезъ Енисей, Елогуй, Вахъ и Обь мимо Сургута. Въ заключеніе челобитной торговые и промышленные люди просили государя избавить ихъ отъ цѣловальниковъ, отъ построекъ въ Мангазеѣ, не взыскивать съ нихъ площадныхъ денегъ, чтобъ имъ въ конецъ не погибнуть и не разбрестись врозь.....⁹⁰⁾.

Собственно говоря, уже съ того времени, какъ изсякъ источникъ богатства въ Мангазеѣ, какъ „соболи опромышлялись“ по рѣкамъ Пуру и Тазу, Мангазейскій городъ оказался совершенно не на мѣстѣ; существованіе его приносило только одинъ вредъ торговымъ и промышленнымъ людямъ. Правительство еще могло дорожить имъ, такъ какъ тамъ были возведены разныя казенныя постройки, но въ 1643 г. пожаръ уничтожилъ почти весь городъ и правительство теперь легко могло

⁹⁰⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 139 лл. 168--172.

разстаться съ нимъ и перенести его въ Туруханское зимовье. И въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ теперь имѣлъ городъ на р. Тазъ? Пожалуй, онъ долженъ былъ еще служить въ качествѣ зимовья для сбора ясака съ мангазейскихъ самоѣдовъ, но не какъ административный и торговый центръ мангазейскаго уѣзда; эта роль должна перейти къ Туруханскому зимовью и московское правительство поступало въ высшей степени неблагоприятно, направляя торговыхъ и промышленныхъ людей чрезъ Мангазею. Иное дѣло, когда былъ свободенъ морской путь въ Сибирь! Этою послѣднею дорогою торговые и промышленные люди—разные двиняне, мезенцы, пинежане, устюжане, важене гораздо скорѣе и съ меньшею опасностію достигали Мангазейскаго города, чѣмъ путемъ, который установило правительство, т. е. Обью и Обскою и Тазовскою губами. Что морской путь изъ устьевъ Двины и Мезени не только въ Мангазею, но даже въ Туруханское зимовье былъ спѣшнѣе, чѣмъ чрезъ устья Оби, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство самихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Торговый человѣкъ Кондрашка Куркинъ и стрѣлецъ Кондрашка Корела на допросѣ говорили тобольскимъ воеводамъ: „отъ Архангельскаго города по вся годы ходятъ кочами многіе торговые и промышленные люди со всякими нѣмецкими товарами и съ хлѣбными запасами, а поспѣваютъ моремъ въ Карскую губу въ двѣ недѣли, по рѣкѣ Мутной ходу 5 дней, волокъ полторы версты и по Зеленой 4 дни...“ весь же путь отъ Архангельска до Мангазеи по показанію этихъ лицъ совершался въ четыре недѣли. По другимъ показаніямъ Мутную рѣку проходили въ 5 дней, Зеленую въ 10 дней, „а отъ устья Зеленой рѣки губою бѣжать паруснымъ ходомъ до завороту (т. е. до Тазовской губы) день, Тазовскою губою до устьевъ рѣки Тазъ два дня и двѣ ночи.... И рѣкою Тазъ до города Тазовскаго (т. е. Мангазеи) двое сутокъ“... ⁹¹⁾. Другіе находили этотъ морской путь нѣсколько продолжительнѣе, но изъ всѣхъ показаній тобольскій воевода вывелъ заключеніе, что изъ Архангельска моремъ въ Мангазею поспѣваютъ въ 4½ недѣли. Между тѣмъ изъ Тобольска въ Мангазею по Иртышу, Оби и чрезъ Обскую и Тазовскую губы въ благопріятную погоду „большимъ погодьемъ“ суда достигали въ 8 недѣль, а въ менѣе благопріятную погоду „коли погодья живетъ мало“ недѣль въ 13 и больше ⁹²⁾. Если столько времени требовалось проплыть изъ Тобольска въ Мангазею, то сколько же нужно было времени, чтобы разнымъ двинянамъ, мезенцамъ, устюжанамъ добраться до Мангазеи чрезъ Уральскій

⁹¹⁾ Р. И. Б. т. 11 стр. 1090—91.

⁹²⁾ Р. И. Б. т. 11 стр. 1056.

хребетъ? Очевидно, что гораздо болѣе. Кромѣ того нужно замѣтить, что путь чрезъ Обское устье былъ опасенъ: въ Обской губѣ рѣдко бывала благоприятная погода, а почти всегда дулъ сѣверный вѣтеръ, который иногда совсѣмъ препятствовалъ выйти судамъ изъ Обскаго устья, или во время пути прибывалъ ихъ къ берегу, а часто, какъ мы выше упоминали, даже разбивалъ ихъ. Торговые и промышленные люди считали этотъ путь самымъ опаснымъ и даже совѣтовали правительству избѣгать его. Еще въ 1627 г. они въ Казанскомъ дворцѣ говорили, что если посылать служилыхъ людей изъ Тобольска въ Туруханское зимовье, то слѣдуетъ направлять ихъ по Иртышу въ Обь и по Оби вверхъ чрезъ Кеть въ Енисейскъ и затѣмъ внизъ по теченію Енисея, что ходъ изъ Тобольска въ Туруханское зимовье чрезъ Енисейскъ спѣшнѣе, „посиѣвають ранѣе“, чѣмъ чрезъ Обскую губу и чрезъ Тазъ⁹³⁾. „Посиѣвають ранѣе“ не потому, что этотъ путь короче; нѣтъ, онъ гораздо длиннѣе, чѣмъ чрезъ Обское устье: изъ Тобольска въ Мангазею послѣднюю дорогой плавали отъ 8 до 13 недѣль, да отъ Мангазеи до Туруханскаго зимовья 2¹/₂ недѣли, а нартынымъ ходомъ три недѣли. Тогда какъ до Енисейска чрезъ Иртышъ, Обь, Кеть, волокъ и Касъ можно было доплыть только въ четыре мѣсяца; въ Енисейскѣ, говорили промышленные люди, нужно зимовать, а потомъ уже на другую весну плыть въ Туруханское зимовье. Путь отъ Енисейска до Туруханскаго зимовья совершался водою въ двѣ недѣли, а нартынымъ ходомъ три недѣли. Очевидно, что такой кружной путь торговые люди предпочитали только потому, что путь чрезъ Обское устье былъ въ высшей степени опасенъ. Между тѣмъ морской путь въ Мангазею не только былъ спѣшнѣе, какъ мы видѣли, но и безопаснѣе, чѣмъ чрезъ Обское устье. По крайней мѣрѣ о крушеніяхъ на морскомъ пути нѣтъ и помину въ показаніяхъ торговыхъ людей. Выплывъ изъ устьевъ рѣки Зеленой въ Обскую губу, суда попадали прямо подъ попутный сѣверный вѣтеръ, который прямо гналъ ихъ въ губу Тазовскую и былъ попутнымъ до самой Мангазеи.

Все это мы говорили къ тому, чтобы показать, что городъ Мангазейскій даже послѣ окончательнаго упадка соболиныхъ промысловъ въ самой Мангазеѣ, могъ бы еще существовать и процвѣтать, еслибы только былъ свободенъ морской путь къ нему—„старая дорога“. Тогда торговымъ и промышленнымъ людямъ нельзя было обойти его и чрезъ Мангазейскій городъ ежегодно проходило-бы minimum 1¹/₂ т. человекъ съ товарами на нѣсколько сотъ тысячъ. Когда же морской путь былъ

⁹³⁾ Р. И. Б. т. 11 стр. 853.

запрещенъ, а мѣстныя богатства оскудѣли, то существованіе города на р. Газѣ сдѣлалось совершенно бесполезнымъ и убыточнымъ, какъ для правительства, такъ и для торговыхъ людей. Его роль теперь съ большимъ успѣхомъ могло исполнять Туруханское зимовье, куда путь отъ устьевъ Иртыша чрезъ Обь мимо Сургута, по рѣкамъ Ваху и Елогую и затѣмъ по Енесею былъ значительно спѣшнѣе, чѣмъ чрезъ Обское устье; этимъ послѣднимъ путемъ уже ходили торговые и промышленные люди, а въ 1644 г. и государевъ ясакъ изъ Туруханскаго зимовья отправленъ былъ именно чрезъ Елогуй. Между тѣмъ московское правительство сохраняло этотъ городъ до самаго 1672 г., когда онъ былъ перенесенъ къ устью Турухана. Въ это время морской путь въ Сибирь уже былъ забытъ и до извѣстнаго Крижанича, жившаго тогда въ Тобольскѣ, доходили о немъ только неясныя слухи. Тѣмъ не менѣе онъ обратилъ на нихъ вниманіе и въ одномъ своемъ сочиненіи высказалъ взглядъ на значеніе для Сибири морскаго пути отъ города Архангельска. Говоря о разныхъ предметахъ торговли, которыми изобилуетъ Сибирь, онъ пишетъ: „можно было бы добывать отъ калмыковъ воловьихъ и овечьихъ шкуръ тысячъ 30 и 40 и продавать нѣмцамъ, если-бы найденъ былъ путь по Иртышу на море.... до моря Архангельскаго“. Въ другомъ мѣстѣ того же труда Крижанича читаемъ: „нѣмцы ежегодно плаваютъ въ пустую сѣверную страну, въ дальнее студеное море ради велерыбьяго жира и трудъ не только оплачивается, но и даетъ имъ прибыль. Не знаю, продолжаетъ Крижаничъ, нельзя ли того же и отъ сего царства сдѣлать—отъ Мангаріи (Мангазеи) или отъ Архангела“. Знаю только, что если-бы Сибирью владѣли нѣмцы, то никакъ не могли бы жить безъ морскихъ ладей и развѣдали бы дальніе морскіе пути, коихъ мы не знаемъ. И кто знаетъ, можетъ быть изъ Мангаріи и путь въ Индію былъ бы найденъ“⁹⁴).

Но мы уже знаемъ, что морской путь отъ Архангельска въ Сибирь давно уже былъ извѣстенъ русскимъ; жители нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній пользовались имъ не одну сотню лѣтъ, плавая изъ устьевъ Двины, Мезени и Печоры въ Мангазею. Только правительство Михаила Ѳеодоровича этотъ путь, который оно въ 1616 г. считало *старою дорогою*, запретило подъ страхомъ смертной казни, напрасно испугавшись нѣмцевъ.

⁹⁴) „Русское государство въ пол. XVII в.“ стр. 14 и 56. Слово *Мангарія* *Мангарійскій* у Крижанича нужно читать Мангазія и Мангазіійскій; вѣроятно издатель этого сочиненія смѣшалъ латин. буквы г и з.

Въ заключеніе мы выскажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно торговыхъ и промышленныхъ людей въ Сибири. Слѣдя за предпріятіями русскихъ промышленныхъ партій, историкъ не можетъ не поражаться ихъ смѣлостію, терпѣніемъ, настойчивостію, доходящею до упорства, умѣнемъ ориентироваться среди незнакомой и дикой мѣстности, способностію скоро и легко изучать инородческіе языки и уживаться съ людьми иного происхожденія, иныхъ вѣръ, нравовъ и обычаевъ. Торговые и промышленные люди шли всегда впереди тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовало правительство: они пролагали дороги, отыскивали инородцевъ, заводили съ ними торговлю, а иногда даже налагали на нихъ ясакъ отъ имени Бѣлаго царя и затѣмъ уже появлялись въ тѣхъ мѣстахъ правительственные острожки и зимовья. Предъ этими подвигами русскихъ людей блѣднѣютъ предпріятія въ Америкѣ разныхъ Кортесовъ и Пизарровъ, если мы возьмемъ во вниманіе природу, среди которой пришлось дѣйствовать русскимъ въ Сибири и испанцамъ въ Америкѣ, и средства, которыя имѣли тѣ и другіе. Уже въ первой четверти XVII в. русскіе промышленники выплывали изъ устьевъ Енисея и Лены, плавали по Ледовитому океану, открывали на немъ острова и занимались тамъ промыслами. Удивительно въ данномъ случаѣ то, что русскіе мореплаватели совершали свои плаванія по Ледовитому океану безъ всякихъ морскихъ картъ, даже безъ компаса и притомъ на небольшихъ судахъ, такъ называемыхъ кочахъ. „Поговоря съ товарищи, да помолясь Богу, государь, мы поплыли“..... Куда же и на чемъ? Въ Ледовитый океанъ и на своихъ утлыхъ ладьяхъ—необыкновенная смѣлость! Вѣдь достаточно было одной ничтожной льдины, чтобы превратить эти „суденышки“ въ щены. И дѣйствительно, какъ показываютъ документы, русскіе люди во время этихъ смѣлыхъ экспедицій погибали цѣлыми партіями въ 50 и 100 человекъ, но это, однако, не останавливало другихъ: составлялись новыя партіи, шли по слѣдамъ своихъ предшественниковъ и дѣлали новыя и новыя открытія на страшномъ Ледовитомъ океанѣ. А какія лишенія они испытывали во время этихъ предпріятій? По цѣлому году не вѣдали огня и питались юколою, падалью и собачьимъ кормомъ.

Я не раздѣляю того мнѣнія, что будто-бы алчность къ наживѣ вела русскихъ промышленниковъ все далѣе и далѣе въ глубь Сибири..... Нѣтъ, помимо матеріальныхъ интересовъ ими руководили необыкновенный духъ предпримчивости, страсть къ рискованнымъ предпріятіямъ, жажда знанія—что таится въ невѣдомыхъ мѣстахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ неопровержимые историческіе факты. Вѣдь уже въ началѣ XVII в. русскіе завладѣли громаднѣйшею частію Сибири и на этомъ

пространствѣ они могли удовлетворить самую ненасытную алчность. Между тѣмъ, что же мы видимъ? Оказывается, имъ мало материка Сибири. Торговые и промышленные люди простираютъ свои виды на Ледовитый океанъ, плаваютъ по немъ въ разнообразныхъ направленіяхъ, не смотря на страшную опасность, которая тамъ угрожала мореплавателямъ.

Равнымъ образомъ несправедливо обвиненіе, что будто эти передвиженія русскихъ людей въ Сибири неизбѣжно сопровождалось грабежами и даже истребленіемъ инородцевъ. Такъ можетъ говорить только тотъ, кто или совсѣмъ не знакомъ съ историческимъ матеріаломъ, или слишкомъ довѣряетъ челобитнымъ инородцамъ, въ которыхъ иногда попадаются жалобы на грабежи ихъ торговыми и промышленными людьми. Я могъ бы привести много данныхъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ по поводу разныхъ челобитныхъ въ подтвержденіе того, какъ нужно быть осторожнымъ въ своихъ заключеніяхъ при пользованіи подобнымъ матеріаломъ. Мало того, даже къ донесеніямъ самихъ воеводъ нужно относиться критически и въ своихъ выводахъ изъ нихъ необходимо имѣть въ виду другія данныя. Для иллюстраціи этого повергнемъ на судъ читателя слѣдующее донесеніе мангазейскаго воеводы въ 1623 г. ⁹³). Онъ писалъ, что многіе русскіе люди приходятъ въ мангазейскій уѣздъ, женятся на инородцахъ и поселяются въ инородческихъ юртахъ; нѣкоторые уже живутъ лѣтъ по 15 и по 20, убиваютъ и грабятъ инородцевъ, „задалживаютъ“ ихъ великими долгами, заказываютъ инородцамъ приносить въ ясакъ добрыхъ соболей, выкупаютъ у нихъ всякую лучшую мягкую рухлядь и, если не выгнать этихъ русскихъ изъ уѣзда, то государевой казнѣ будетъ убыль и полный ясакъ съ ясачныхъ людей собрать будетъ невозможно. Какой выводъ можно сдѣлать изъ этого документа касательно отношеній русскихъ людей къ инородцамъ? Совершенно вѣрно, что русскіе люди, поселившіеся въ инородческихъ юртахъ, какъ болѣе смысленные и предприимчивые эксплуатировали пріютившихъ ихъ инородцевъ, людей безпечныхъ и очень, очень лѣнивыхъ. Но возможно ли допустить грабежи и убійства, о которыхъ пишетъ воевода? Ни въ какомъ случаѣ! На инородца русскій человѣкъ смотритъ прежде всего какъ на человѣка: разное происхожденіе, разная вѣра, разный языкъ, иные нравы и обычаи не препятствуютъ ему даже входить въ семью инородца, жить въ однихъ юртахъ, вмѣстѣ пить и ѣсть, но славить Бога по своему, по-христіански. Русскіе люди въ такихъ случаяхъ появляются между инородцами не

массами, а одиночками и, поселившись среди цѣлаго рода или цѣлаго племени, какъ они могутъ грабить и убивать инородцевъ? Вѣдь не съ дѣтьми же имъ приходилось имѣть дѣло! Очевидно, что воевода сообщаетъ въ Москву завѣдуюмую ложь и понятно почему: *русскіе заказываютъ инородцамъ приносить ясакъ хорошими соболями, выкупаютъ у нихъ всякую лучшую мякую рухлядь*, а правительство требуетъ отъ воеводы, чтобы онъ, какъ можно болѣе, заботился о государственной прибыли, собиралъ ясакъ съ инородцевъ хорошими соболями. И вотъ воевода въ оправданіе свое, что не можетъ исполнить царскаго наказа, указываетъ на русскихъ людей какъ на препятствіе къ исполненію правительственныхъ требованій, проситъ дать ему указъ объ изгнаніи этихъ русскихъ, и если говорить въ своей отпискѣ и грабежахъ и убійствахъ, то только для того, чтобы усилить свою просьбу.

Конечно изъ-за промысловъ у русскихъ промышленниковъ бывали и кровавыя столкновенія съ инородцами, бывали и убійства, но преимущественно движеніе русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей въ Сибири имѣло торговый и промышленный характеръ. И ужъ если при этомъ говорить о грабежахъ и убійствахъ, то не инородцевъ русскими, а наоборотъ: инородцы часто грабили и убивали русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Это очевидно не только изъ челобитныхъ русскихъ людей и донесеній воеводъ, но и изъ слѣдственныхъ дѣлъ. Мы выше упоминали о грабежахъ и убійствахъ, которые совершали самоѣды при крушеніи судовъ въ Обской губѣ; объ этомъ есть слѣдственное дѣло. Приводили мы жалобы торговыхъ и промышленныхъ людей на грабежи и убійства, которые ежегодно они терпятъ отъ тунгусовъ и донесеніе о томъ же мангазейскаго воеводы въ 1644 году и объ этомъ есть слѣдственное подтверждающее дѣло.

Такихъ документовъ мы можемъ еще привести нѣсколько и относящихся къ разнымъ временамъ. Въ 1627 г. мангазейскіе торговые и промышленные люди подали челобитную, въ которой писали слѣдующее: „...Вверхъ Тунгуски рѣки живутъ многіе Сыроядцы, Булиши, Тунгусы, Шелягирцы, Чапагиры и Синегирцы и ихъ на соболиныхъ промыслахъ по лѣсамъ побиваютъ и грабятъ, и къ зимовьямъ ихъ приступаютъ, многія зимовья пожигаютъ, и многіхъ промышленныхъ людей по зимовьямъ обсадили и на промыслы не пустили; ходятъ тѣ люди въ скопѣ человекъ по 60, 70 и по 100 и впредь имъ угрожаютъ убійствомъ и вверхъ Тунгуски ходить не велятъ и похваляются побить до одного человека, а называютъ землю и рѣки своими; побивъ русскихъ людей и пограбивъ у нихъ соболи, приходятъ въ ясачныя зимовья и тѣми соболями платятъ ясакъ... и многіе промышленные люди отъ

тѣхъ иноземцевъ убійства и грабежу разбрелись съ промысловъ на Русь...“ Въ Москвѣ пожелали провѣрить справедливость этихъ жалобъ и въ Казанскій Дворецъ съ этою цѣлю собрано нѣсколько человекъ торговыхъ и промышленныхъ людей, бывшихъ на промыслахъ въ мангазейскомъ уѣздѣ, да цѣловальника, который только что пріѣхалъ изъ Мангазеи съ государевой соболиной казною. Будучи допрошены, они не только подтвердили все то, что писалось въ вышеприведенной челобитной, но и дали объясненіе—почему инородцы могутъ грабить и убивать русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Изъ этого объясненія оказывается, что промышленники ходили на промыслы человека по 2, по 3, 4 и по 5, а тунгусы бродили сотнями и понятно, что первѣсь былъ на сторонѣ послѣднихъ⁹⁶⁾.

Въ 1632 г. въ нижней и подкаменной Тунгусахъ инородцы убили 17 человекъ торговыхъ и промышленныхъ людей, въ 1634 г. инородцы убили такихъ же людей 53 человека. Государь приказываетъ мангазейскимъ воеводамъ произвести обыскъ, допросить всякихъ людей—когда, гдѣ и за что инородцы побиваютъ русскихъ людей. Слѣдствіе вполне подтвердило справедливость жалобъ торговыхъ и промышленныхъ людей: всѣ допрошенные „по крестному цѣлованію“ говорили, что тунгусы и другіе иноземцы въ разныхъ мѣстахъ „по вся годы“ побиваютъ на промыслахъ русскихъ людей, а русскіе побивать тунгусовъ не смѣютъ“. Изъ Москвы шлеть грамоты мангазейскимъ воеводамъ, чтобъ они посылали въ промышленныя мѣста служилыхъ людей для защиты русскихъ промышленниковъ отъ инородцевъ. Но въ 1634 г. мангазейскіе воеводы отвѣчаютъ, что всѣ служилые люди находятся на государевыхъ службахъ и въ Мангазеѣ остается человекъ по 5 и 6, а въ иное время человекъ по 3 и по 4 для обереганія города и въ ясачныя зимовья для защиты торговыхъ и промышленныхъ людей посылать некого“. Тѣже воеводы пишутъ, что „русскіе люди на соболинныхъ промыслахъ садятся врознь по зимовьямъ въ разстояніи дней на 8, на 10 и недѣли на 3 и на 4, а тунгусы живутъ переходя съ мѣста на мѣсто, съ рѣки на рѣку и переходовъ этихъ торговые и промышленные люди не знаютъ“ и потому уберечься отъ инородцевъ не могутъ⁹⁷⁾.

Вспомнимъ также вышеприведенную челобитную торговыхъ и промышленныхъ людей, посланную изъ Мангазеи въ Москву въ 1644 г., въ которой они жалуются, что тунгусы побиваютъ ихъ ежегодно по 50

⁹⁶⁾ Р. И. Б., т. 11, стр. 849—851.

⁹⁷⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 656 (ненумер. см. слѣдств. дѣло объ убійствахъ разными инородцами русскихъ людей въ 1632 и 1634 г.).

и по 100 человекъ. Словомъ, достовѣрный историческій матеріалъ позволяетъ намъ говорить только о грабежахъ и убійствахъ инородцами русскихъ промышленниковъ, а не наоборотъ. Мы даже можемъ сказать, что излишняя снисходительность московскаго правительства къ инородцамъ въ значительной степени способствовала послѣднимъ жестоко и безнаказанно расправляться съ русскими торговыми и промышленными людьми. Намъ извѣстно, что воеводамъ предписывалось собирать съ инородцевъ ясакъ и недоимки ласкою, а не жесточью, а съ русскихъ разрѣшалось собирать подати правежемъ, плетьми. Слѣдствіемъ такой ласки было то, что на вогулахъ пелымскаго уѣзда накопилось съ 1628 г. по 1700 недоимокъ на 7,011 рублей, на остякахъ сургутскаго и березовскаго уѣздовъ на 73,442 р. и не было ни одного сибирскаго уѣзда, чтобъ на инородцахъ не накопилось за тоже время недоимокъ на нѣсколько тысячъ рублей⁹⁸). И нельзя сказать, чтобы ясакъ былъ тяжелый: въ годъ отъ 2 и до 11 соболей съ человекъ. Инородцы славились какъ отличные стрѣлки изъ лука и добыть такое количество имъ было очень легко, когда русскіе добывали на промыслахъ по 15 и по 20 сороковъ соболей на человекъ. Но лѣность и снисходительность къ нимъ правительства вели къ тому, что инородцы и по пяти соболей не смолна уплачивали и на нихъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе накоплялись недоимки. Напрасно сибирскіе воеводы вопіютъ противъ гуманности и снисходительности русскихъ царей въ отношеніи разныхъ вогуловъ, остяковъ и татаръ и доказываютъ всю непрактичность подобныхъ отношеній. „Намъ, холопамъ твоимъ, государь, пишутъ они, велѣно ясакъ и поминки съ ясачныхъ людей выбирать ласкою, а не жесточью и не правежемъ, а ясачные многіе люди живутъ межъ русскихъ и всякому русскому обычаю навичны и то имъ вѣдомо, что по твоему указу ясакъ и поминки править правежемъ не велѣно и они на твое жалованье надежны.... соболей и лишецъ проигрываютъ въ зернь, а въ ясакъ не даютъ; сотниковъ и десятниковъ своихъ не слушаютъ, на лѣшіе промыслы проигрався зернью не ходятъ...“ И если, пишутъ воеводы, ясакъ правежемъ не править и за игру въ зернь не наказывать, то выбрать ясачную подать безъ недобору невозможно.

Но чтобы яснѣе видѣть различіе въ отношеніяхъ московскаго правительства къ инородцамъ и русскимъ людямъ, нужно обратить внима-

⁹⁸) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1252, л. 73; кн. 1561, л. 81; кн. № 1302, л. 99; кн. № 1293, л. 49 и пр.

ніе на слѣдующее обстоятельство. Одинъ пунктъ наказа мангазейскимъ воеводамъ предписывалъ: „Да будетъ самоѣдъ на торговыхъ людей или на кого ни буди, въ обидахъ и во всякихъ дѣлѣхъ учнутъ бить челомъ, и той самоѣди на торговыхъ и на всякихъ людей давать судъ и управу чинить, до чего доведетца, безволокитно. А будетъ Пустозерцы, или иныхъ которыхъ городовъ, противъ на самоѣдъ учнутъ бити челомъ, и имъ тѣмъ Пустозерцамъ и иныхъ ни которыхъ городовъ торговымъ людямъ на сомоѣдъ, безъ государева указа, суда и управы не давати....“⁹⁹⁾ Итакъ для инородцевъ расправа безволочитная, а для русскихъ людей должна быть извѣстная московская волочита! Къ чему вело такое различіе? Послѣдствія такой политики для русскихъ людей были довольно тяжелыя. Положимъ иногородецъ убилъ торговаго или промышленнаго человѣка и родственники послѣдняго подали воеводѣ жалобу на убійцу. Воевода принимаетъ челобитную и при удобномъ случаѣ, когда бываетъ посылка въ Москву, отправляетъ ее въ приказъ Казанскаго Дворца. Не ранѣе какъ чрезъ годъ сибирскій воевода получить по поводу упомянутой челобитной указъ государя „произвести обыскъ торговыми, промышленными, служилыми и всякими русскими людьми и инородцами“ о томъ, справедливо ли пишутъ челобитчики. Пройдетъ еще годъ, какъ воевода успеетъ произвести обыскъ, да переслать въ Москву „обыскныя рѣчи“; объ убійствѣ въ 1642 г. тунгусами 17 человѣкъ торговыхъ и промышленныхъ людей слѣдствіе производилось только чрезъ два года. А пока въ Москвѣ разберутъ обыскныя рѣчи, постановятъ рѣшеніе, да перешлютъ его въ Мангазею или въ Енисейскъ, то пройдетъ еще много и очень много времени. А въ чемъ состояло рѣшеніе? По большей части только въ томъ, чтобы воевода не позволялъ инородцамъ „побивать и грабить торговыхъ и промышленныхъ людей, чтобъ въ десятинной государевой пошлинѣ не было убыли...“ Вотъ почему всѣ тѣ убійства, о которыхъ мы упоминали выше, проходили для инородцевъ совершенно безнаказанно. Да это и понятно: засадить убійцу въ тюрьму или казнить было бы убыточно для государевой казны—кто же тогда вмѣсто ихъ будетъ платить ясакъ? Теперь возьмемъ другаго рода примѣръ: торговыи или промышленный человѣкъ убилъ и ограбилъ инородца и инородцы пожаловались на него воеводѣ. Знаете ли, что грозило убійцѣ или грабителю? Воеводы и приказные люди выпьютъ изъ него всю кровь: виновный долженъ будетъ поплатиться не только всѣмъ пограбленнымъ, но и даже своимъ

) Р. И. Б. т. 11 лл. 820—821.

собственнымъ имуществомъ, чтобы ублаготворить своихъ судей. Отсюда понятно, почему торговые и промышленные люди жалуются въ своихъ челобитныхъ, что ихъ бьютъ, грабятъ, жгутъ огнемъ инородцы, а они „противу побивать не смѣютъ“.